

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ДЕЛО ТАБАК

Snuff

НОВИНКА!

Плоский мир

Терри Пратчетт

Дело табак

«ЭКСМО»

2011

Пратчетт Т.

Дело табак / Т. Пратчетт — «Эксмо», 2011 — (Плоский мир)

ISBN 978-5-699-74329-2

В жизни Сэмюэля Ваймса настали нелегкие дни: его отправляют в отпуск. Подумать только! К нему, всю свою жизнь посвятившему работе, отнеслись столь неблагодарно. Более того, бесстрашному командору предстоит поездка не на курорт (ах, золотистый песок, лазурные воды), а семейный выезд в Овнец-Холл, в деревню. А ведь всем давно известно, что деревня так называется потому, что, кроме деревьев, там ничего нет! Тем более столь милых сердцу Ваймса преступлений... Впрочем, хороший стражник (если очень хорошо покопается) всегда найдет какое-нибудь завалящее преступленье. А разве кто-то сомневается в способностях герцога Анкского? Впервые на русском языке! В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-699-74329-2

© Пратчетт Т., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

54

Терри Пратчетт

Дело табак

*Посвящается Робу – в промежутках между выходными.
Эмме, которая помогла мне понять гоблинов.
И Лин – как всегда.*

Terry Pratchett

Snuff

Copyright © 2011 by Terry and Lyn Pratchett

© В. Сергеева, перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

* * *

Представления об окружающем мире у гоблинов облечены в форму культа или, если угодно, религии под названием «коготт». Если вкратце, это необычайно сложная система воззрений, основанных на идее воскрешения и священности всех телесных выделений. Основной догмат коготта гласит: то, что исходит из тела гоблина, некогда, несомненно, являлось его частью, и, следовательно, с ним надлежит обращаться почтительно и должным образом хранить, чтобы в свое время предать погребению вместе с владельцем. Пока владелец жив, упомянутые выделения хранятся в коготтных горшочках – примечательных изделиях, о которых речь пойдет дальше.

И тут появляется неприятное осознание того, что достигнуть этой цели может лишь существо, обладающее внушительным богатством, массой свободного места и покладистыми соседями. Поэтому в реальной жизни большинство гоблинов соблюдают так называемый «хад» – более распространенную и менее строгую форму коготта, которая предполагает хранение ушной серы, обрезков ногтей, а также слизи из носа. Вода, в общем и целом, не считается коготтом, поскольку просто циркулирует по телу, не становясь его частью, и гоблины полагают, что нет никакой очевидной разницы в воде до употребления и, так сказать, после (к сожалению, это дает понять, какой сомнительной чистоты воду они пьют в своих подземных логовищах). Сходным образом, фекалии считаются едой, которая просто перешла в иное состояние. Как ни странно, зубы не представляют для гоблинов никакого интереса; они считают их чем-то вроде грибов, и волосам они тоже не придают особого значения – впрочем, их у гоблинов все равно немного.

Тут патриций Ветинари, правитель Анк-Морпорка, перестал читать и уставился в пустоту. В следующее мгновение в пустоте возник силуэт Стукпостука, личного секретаря (который, нужно заметить, годами упражнялся сливаться с пустотой).

Стукпостук сказал:

– У вас задумчивый вид, милорд.

К этому наблюдению он присовокупил самый почтительный знак вопроса, который повис в воздухе.

– Я обливаюсь слезами, Стукпостук, обливаюсь слезами.

Стукпостук перестал смахивать невидимую пыль с блестящей черной поверхности лакированного стола.

– Пастор Овсец весьма убедительно излагает, не правда ли, сэр?

– О да, Стукпостук. Но основная проблема никуда не делась, и заключается она вот в чем: человечество сумело примириться с гномами, троллями и даже орками, как бы они ни были временами устрашающи, и знаешь почему, Стукпостук?

Секретарь осторожно сложил тряпочку, которой вытирал пыль, и взглянул в потолок.

– Осмелюсь предположить, милорд, это потому, что в их жестокости мы узнаем свою?

– Отлично сказано, Стукпостук, я еще воспитаю из тебя настоящего циника. Хищники уважают друг друга, не так ли? Иногда они даже уважают добычу. Лев порой способен лечь рядом с ягненком, пускай в итоге на ноги поднимется только лев. Но он никогда не ляжет рядом с крысой. Крысы, Стукпостук. Целая раса опустилась до уровня крыс!

Патриций Ветинари грустно покачал головой, и неизменно бдительный Стукпостук заметил, что пальцы его светлости в третий раз за день вернулись к странице, озаглавленной «Коготтные горшочки». И вдобавок в процессе патриций разговаривал сам с собой, что было весьма необычно...

«По традиции, горшочки делает сам гоблин, из чего угодно, начиная с драгоценных камней и заканчивая кожей, деревом и костью. Из кости получаются самые изящные и тонкие, как яичная скорлупа, вместилища, когда-либо существовавшие в мире. Разграбление гоблинских поселений охотниками за сокровищами и месть разгневанных гоблинов – вот в чем доньше заключаются отношения людей и гоблинов».

Патриций Ветинари откашлялся и продолжал:

– Я цитирую пастора Овсеца, Стукпостук. «Должен признать, что гоблины живут на грани смерти, в основном, потому, что их туда оттеснили. Они выживают там, где не выживет больше никто. Их обычное приветствие – «ханг» – означает «держись». Я знаю, им приписывают ужасающие преступления, но и мир никогда не был к ним добр. Скажем прямо – те, чья жизнь висит на волоске, прекрасно понимают жуткую алгебру необходимости, которая не знает милосердия. Когда же необходимость становится крайней, женщины делают коготтные горшочки под названием «душа слез», самые красивые, украшенные резьбой в виде цветов и омытые слезами...»

Стукпостук, идеально рассчитав время, поставил на стол перед своим господином чашку кофе, как раз когда патриций Ветинари дочитал до конца и поднял глаза.

– Жуткая алгебра необходимости, Стукпостук. Мы-то знаем, что это такое, правда?

– О да, сэр. Кстати говоря, сэр, мы получили сообщение от Алмазного короля троллей, который благодарит нас за непоколебимую позицию в отношении тролльих наркотиков. Отлично сделано, сэр.

– Я бы даже не назвал это уступкой, – заметил, отмахнувшись, Ветинари. – Ты знаешь мое мнение, Стукпостук. Я, в общем, не возражаю, если люди принимают всякие вещества, от которых им становится лучше и веселее, ну или они видят маленьких танцующих фиолетовых человечков или даже собственного бога, почему бы и нет. В конце концов, это их мозг, и общество не имеет на него никаких прав, лишь бы в это время они не работали за станком. Но продавать троллям наркотики, от которых у бедняг в буквальном смысле взрывается голова, – это самое настоящее убийство, тяжкое уголовное преступление. И я рад отметить, что командор Ваймс полностью согласен со мной по данному вопросу.

– Да, сэр, и, с вашего позволения, напоминая, что в скором времени он уезжает. Вы желаете его проводить?

Патриций покачал головой.

– Думаю, что не стоит. Наверняка он не в лучшем настроении, и, боюсь, мое присутствие только усугубит ситуацию.

Стукпостук с едва заметной ноткой соболезнавания в голосе произнес:

– Не вините себя, ваша светлость. В конце концов, и вы, и командор Ваймс в руках высших сил.

Его светлость герцог Анкский, командор сэра Сэмюэля Ваймса из анк-морпоркской городской Стражи яростно тыкал за голенище карандашом, чтобы унять зуд. Но тщетно. Никогда это не помогало. От носков у него чесались ноги. Сто раз он собирался сказать жене, что вязание не входит в число ее многочисленных блистательных достоинств. Но Ваймс предпочел бы вообще остаться без ног. Ведь Сибилла бы страшно огорчилась.

Носки действительно были ужасные, толстые, бугристые, сплошь в узлах, так что приходилось покупать обувь на полтора размера больше. Он так и делал, потому что Сэмюэль Ваймс, который ни в один храм не входил с религиозными намерениями, боготворил госпожу Сибиллу и каждый день с крайним удивлением сознавал, что она испытывает к нему сходные чувства. Он сделал ее своей женой, а она его – миллионером; благодаря Сибилле нищий, одинокий, циничный, мрачный коп стал богатым влиятельным герцогом. Впрочем, свой цинизм Ваймс умудрился сохранить, и даже запряжка быков, накачанных стероидами, не вытащила бы копа из души Сэма Ваймса. Этот яд проник слишком глубоко, впитался в становой хребет. И теперь Сэм Ваймс чесался и подсчитывал плюсы, пока у него не закончились цифры.

А среди минусов была бумажная работа.

Бумажная работа существовала всегда. Хорошо известно, что всякая попытка сократить количество бумаг ведет к их увеличению.

Разумеется, для бумажной работы у Ваймса были люди, но рано или поздно ему как минимум приходилось что-то подписывать, а если не удавалось увернуться, так даже читать. И положить этому конец было невозможно; в конце концов, в полицейской работе всегда есть вероятность, что где-то взлетит на воздух очередной сортир. Инициалы Сэма Ваймса на бумаге извещали мир, что это *его* сортир и, следовательно, *его* проблемы.

Он окликнул через открытую дверь сержанта Задранец, которая исполняла обязанности ординарца.

– Еще что-нибудь, Шелли? – с надеждой спросил Ваймс.

– Не в том смысле, как вы думаете, сэр. Но, полагаю, вам приятно будет узнать, что я минуту назад получила клик от временно исполняющего обязанности капитана Пикши из Щеботана, сэр. Он говорит, что дела у него идут неплохо, сэр, и «а-ля» ему очень даже нравится¹.

Ваймс вздохнул.

– Еще что?

– Тихо как в колодце, – сказала гномиха, выглядывая за дверь. – Жарко, сэр. Слишком жарко, чтобы драться, слишком липко, чтобы воровать. По-моему, чудесно, сэр.

– Где стражники, там и преступление, – буркнул Ваймс. – Запомни это, сержант.

– Я помню, сэр, хотя, на мой вкус, лучше звучит, если слова поменять местами.

– Я так понимаю, нет никаких шансов, что меня отпустят без экзекуции?

Сержант Задранец явно встревожилась.

– Простите, сэр, но, боюсь, увильнуть не удастся. Капитан Моркоу официально заберет у вас значок в полдень.

Ваймс стукнул кулаком по столу.

– Я посвятил всю жизнь городу и не заслуживаю такого обращения!

– С вашего позволения, командор Ваймс, вы заслуживаете гораздо большего.

Ваймс откинулся на спинку кресла и застонал.

– И ты туда же, Шелли?

– Простите, сэр. Я знаю, вам нелегко.

¹ Обмен кадрами с щеботанской жандармерией себя оправдал: в Щеботане учились работать в духе Ваймса, а еда в столовой Псевдополис-ярда заметно улучшилась трудами капитана Эмиля, хоть в ней и было слишком много «а-ля».

– Меня вышвыривают отсюда после стольких лет! Ты же знаешь, как я просил! А такому человеку, как я, просить нелегко, можешь не сомневаться. Я умолял!

На лестнице послышались шаги. Ваймс вытащил из ящика стола коричневый конверт, что-то сунул в него, сердито лизнул, запечатал плевком и бросил на стол. Конверт звякнул.

– Вот, – произнес он сквозь стиснутые зубы. – Мой значок. Как велел патриций Ветинари. Сдаю добровольно. Никто не скажет, что его у меня отобрали!

В кабинет вошел капитан Моркоу, пригнувшись под притолокой. В руках он держал какой-то сверток, а за спиной у него теснились несколько ухмыляющихся стражников.

– Прошу прощения, сэр, верховная власть и все такое. По-моему, вам повезло, что вас отправляют в отпуск всего на две недели. Госпожа Сибилла изначально настаивала на месяце.

Моркоу протянул Ваймсу сверток и кашлянул.

– Мы с ребятами тут скинулись, командор, – произнес он с натянутой улыбкой.

– Предпочитаю то, что звучит разумнее, например «старший констебль», – сказал Ваймс, забирая сверток. – Знаешь, я тут подумал: если мне надают побольше титулов, я в конце концов найду тот, с которым смогу смириться.

Он разорвал бумагу и извлек маленькое разноцветное ведерко и лопатку, к общему восторгу притаившихся зевак.

– Мы знаем, что вы едете не на взморье, сэр, – начал Моркоу, – но...

– И очень жаль, что не на взморье! – жалобно произнес Ваймс. – Там бывают кораблекрушения. Контрабандисты. Утопленники. Преступники так и кишат! Хотя что-то интересное.

– Госпожа Сибилла говорит, вам будет чем развлечься, сэр, – сказал Моркоу.

Ваймс застонал.

– В деревне-то? Чем можно развлечься в деревне? Ты знаешь, почему она называется деревней, Моркоу? Потому что там, черт побери, нет ничего, кроме проклятых деревьев, которыми почему-то полагается восхищаться, хотя на самом деле они просто сорняки-переростки! Там скучно! Сплошное воскресенье! А еще мне придется общаться со всякими шишками!

– Сэр, вам понравится. Я не помню, чтобы вы когда-нибудь брали выходной, разве что когда бывали ранены, – сказал Моркоу.

– Да и то он непрерывно ворчал и беспокоился, – произнес голос в дверях. Он принадлежал госпоже Сибилле. Ваймса изрядно обижало то, что стражники слушались его жену. Он, разумеется, до безумия обожал Сибиллу, но не мог не заметить, что в последнее время его любимый сэндвич с беконом, салатом и помидором превратился из традиционного сэндвича с БЕКОНОМ, салатом и помидором в сэндвич с САЛАТОМ, ПОМИДОРОМ и беконом. Разумеется, жена пеклась о его здоровье. И все вокруг словно сговорились. Почему ученые не откроют какой-нибудь овощ, который вреден для здоровья? И что не так с луковой подливкой? В конце концов, в ней же лук! И желудок он прочищает будь здоров. Это ведь полезно, не так ли? Что-то такое он точно читал.

Две недели отпуска, в течение которых за каждым приемом пищи будет надзирать жена. Об этом нестерпимо было даже думать... но Ваймс все равно думал. И потом еще Юный Сэм, который рос как сорная трава и всюду совал свой нос. Две недели на свежем воздухе, по словам Сибиллы, пойдут мальчику на пользу. Ваймс не спорил. Бессмысленно было спорить с Сибиллой: даже если ты думаешь, что победил, оказывается, на самом деле тебя неверно информировали. Это какая-то магия, совершенно недоступная мужьям.

По крайней мере, ему позволили выехать из города в доспехах. Они были частью Сэма Ваймса, такие же потрепанные, как и он сам, с той разницей, что вмятины на доспехах чинились при помощи молотка.

Ваймс, держа на коленях сына, смотрел на удалявшийся город, а карета везла его навстречу двум неделям буколических грез. Он чувствовал себя изгнанником. Но, с другой

стороны, в городе просто обязано было случиться какое-нибудь ужасное убийство или дерзкое ограбление, которое *по очень важным* соображениям морали (на худой конец) потребовало бы присутствия главы Стражи. Оставалось лишь надеяться.

Сэм Ваймс со дня вступления в брак знал, что у его жены есть дом в деревне. В частности, потому, что Сибилла подарила этот дом ему. Точнее, она перевела на мужа все владения своей семьи (упомянутая семья состояла из одной лишь Сибиллы), следуя старомодному, но очаровательному убеждению, что владеть собственностью должен супруг². И она настояла на своем.

Из деревни регулярно, в зависимости от сезона, на Лепешечную улицу прибывала телега, груженная фруктами и овощами, сыром и мясом. Все это выращивалось и производилось в поместье, которого Ваймс никогда не видел. И не горел желанием видеть. Про деревню он точно знал, что она хлюпает под ногами. Да, конечно, под ногами хлюпали большинство анк-морпоркских улиц, но, черт побери, они хлюпали *правильно* – и он хлюпал по ним с тех самых пор, как только выучился ходить (и, что неизбежно, падать).

Официально поместье носило название Кранделл, хотя обычно его называли Овнец-Холл. Овнецам принадлежал отрезок форелевого ручья длиной в милю, а также паб, как запомнил Ваймс из документов. Владеть пабом – да, вполне понятно; но как можно владеть форелевым ручьем? Ведь твой отрезок, пока ты на него смотришь, уплывет вниз по течению, разве нет? И перед тобой окажется вода, которая раньше принадлежала твоему соседу, живущему выше по течению, и этот надутый сноб, возможно, сочтет тебя браконьером. Вот сукин сын. А рыбы вообще плавают, где им вздумается. Так откуда тебе знать, которая из них твоя? Может быть, она вся помечена? С точки зрения Ваймса, это было вполне по-деревенски. Жить в деревне значит постоянно держать оборону. Совсем не так, как в городе.

Патриций Ветинари громко рассмеялся, что было для него весьма необычно. Почти сияя от радости при мысли об унижении своего врага, он положил на стол экземпляр «Таймс», открытый на странице с кроссвордом.

– Тыкви́на – многосемянный плод с тремя плодолистиками! Я все-таки утер вам нос, мадам!

Стукпостук, который аккуратно раскладывал бумаги, улыбнулся и спросил:

– Очередная победа, милорд?

Всем была известна битва, которую Ветинари вел с главной сочинительницей кроссвордов в «Таймс».

– Кажется, она теряет хватку, – сказал Ветинари, откидываясь на спинку кресла. – Что это у тебя, Стукпостук? – он указал на толстый коричневый конверт.

– Значок командора Ваймса, сэ́р. Доставлен капитаном Моркоу.

– Запечатано?

– Да, сэ́р.

– Значит, в нем не значок.

– Да, сэ́р. Осторожное прощупывание конверта навело меня на мысль, что внутри лежит крышка от жестянки из-под нюхательного табака «Двойной гром». Мое предположение подтверждается запахом, милорд.

Ветинари, по-прежнему разгоряченный, произнес:

– Но капитан тоже наверняка это понял, Стукпостук.

– Да, сэ́р.

² И радоваться, что при решении почти всех хозяйственных вопросов ему отводится скромное второе место. Госпожа Сибилла полагала, что слово ее дорогого супруга должно быть законом для городской Стражи, но в ее случае является всего лишь вежливым предложением, которое следует милостиво принять к сведению.

– Конечно, это весьма в духе командора, – продолжал Ветинари. – Потому мы его и ценим. Он одержал маленькую победу. А человек, который одерживает маленькие победы, способен одержать и большую.

Стукпостук неожиданно помедлил, прежде чем ответить:

– Да, сэр. Кстати говоря, госпожа Сибилла ведь *сама* заговорила о поездке в деревню, если не ошибаюсь?

Ветинари поднял бровь.

– Ну конечно, Стукпостук. Ума не приложу, кто еще мог бы это сделать. Храбрый командор известен своей преданностью делу. Кто, кроме любящей жены, сумел бы внушить ему, что несколько недель отдыха на природе прекрасная идея?

– О да, сэр, – ответил Стукпостук и предпочел не развивать тему, потому что не видел в этом никакого смысла. У патриция были источники информации, недоступные даже для Стукпостука, как бы он ни старался; одни лишь боги знали, кто прибегал к Ветинари по длинным неосвященным лестницам. Жизнь в Продолговатом кабинете представляла собой мир секретов, догадок и ошибок, и правда здесь менялась, как цвета радуги. Стукпостук это знал, поскольку играл не последнюю роль в спектре. Но выяснить, что именно знал патриций Ветинари и о чем он думал, было психологически невозможно. Каждый мудрый человек признал бы это и продолжил раскладывать бумаги.

Ветинари встал и посмотрел в окно.

– Это город попрошаек и воров, не так ли, Стукпостук? Я горжусь тем, что среди них есть мастера своего дела. Более того, если бы существовала такая вещь, как международный конкурс воров, Анк-Морпорк взял бы главный приз, да еще прихватил бы несколько чужих бумажников. Воровство имеет цель, Стукпостук, но человек подсознательно чувствует, что раз есть вещи, по определению недостижимые простым людям, то есть и вещи, которые нельзя позволять богатым и сильным.

Ход мыслей Ветинари Стукпостук понимал настолько, что стороннему наблюдателю это могло показаться волшебством. И впрямь удивления было достойно, сколь многое ему удавалось постичь, наблюдая за тем, что патриций читает, прислушиваясь к внешне бессмысленным замечаниям и соотнося их, как умел делать только Стукпостук, с насущными нуждами и заботами. И теперь секретарь сказал:

– Контрабанда, сэр?

– Отчасти, отчасти. Я ничего не имею против контрабанды. Контрабандисту нужны предприимчивость, хитрость и оригинальное мышление, свойства, которые надлежит поощрять в рядовом человеке. По правде говоря, контрабанда не причиняет так уж много вреда и позволяет ощутить легкий трепет восторга. Каждый должен время от времени нарушать закон каким-нибудь безобидным и приятным способом, Стукпостук. Это гигиена мозга.

Стукпостук, чей мозг неизменно сверкал чистотой, сказал:

– И все-таки, сэр, налоги следует платить. Город растет. И для этого нужны деньги.

– Разумеется, – ответил Ветинари. – Я мог бы обложить налогами все подряд, но предпочел ввести пошлину за то, без чего, по сути, можно прекрасно обойтись. Трудно назвать эту штуку вызывающей сильное привыкание, не правда ли?

– Некоторые так считают, сэр. И многие недовольны.

Ветинари даже не поднял взгляда от своих бумаг.

– Стукпостук, – заметил он, – жизнь сама по себе вызывает привыкание. Если горожане будут жаловаться слишком громко, придется обратить их внимание на этот факт.

Патриций вновь улыбнулся и сомкнул пальцы домиком.

– Короче говоря, Стукпостук, на безвредный бандитизм среди низших классов до некоторой степени надлежит смотреть сквозь пальцы, если и не активно поощрять, во имя общественного здоровья. Но что делать, когда безобразничать принимаются богатые и высокородные?

Если бедняк проведет год в тюрьме за кражу, совершенную от голода, как высоко надлежит вздернуть богача, который нарушает закон из жадности?

– Я повторюсь, сэр, что сам покупаю себе скрепки, – немедленно ввернул Стукпостук.

– Да-да, конечно, но, позволь мне с удовольствием отметить, что твой действительно чистый мозг не нуждается в дополнительных гигиенических мерах.

– Я сохраняю все чеки, – продолжал Стукпостук. – На тот случай, если вам захочется взглянуть.

Мгновение стояла тишина, затем секретарь произнес:

– Командор Ваймс сейчас уже на пути к Овнец-Холлу, милорд. Возможно, это счастливое стечение обстоятельств.

Ветинари не повел и бровью.

– О да, Стукпостук. О да.

Дорога в Холл занимала целый день – два, если ехать в карете, с ночевкой на постоялом дворе. Ваймс проводил время в ожидании, не раздадутся ли крики нагоняющего карету всадника, который привезет столь желанные вести об ужасной катастрофе. Обычно Анк-Морпорк поставлял катастрофы что ни час, но теперь решительно отказывался выручить своего отчаявшегося сына в час нужды.

Солнце нового дня озаряло упомянутого сына своими лучами, когда карета остановилась у ворот. Спустя несколько мгновений из ниоткуда появился старик – древний старик, – который торжественно, прилагая максимум усилий, отворил ворота и замер по стойке «смирно», сияя от сознания хорошо проделанной работы, пока карета проезжала мимо. Миновав ворота, она остановилась.

Сибилла, занятая чтением, толкнула мужа локтем и сказала, не отрываясь от чтения:

– Полагается дать мистеру Гробу пенни. В прежние времена мой дедушка держал в карете небольшую жаровню, чтобы греться, но в основном для того, чтобы докрасна раскалить монетки. Потом он брал их щипцами и бросал привратнику. Дедушка утверждал, что это было очень весело, но больше мы так не делаем.

Ваймс порылся в кошельке в поисках мелочи, а потом открыл дверцу кареты и вышел, к огромному удивлению мистера Гроба, который попятился в густые заросли, глядя на Ваймса как загнанное животное.

– Молодчина, мистер Гроб, вы отлично подняли засов, просто блеск, – Ваймс протянул монетку, и мистер Гроб попятился еще дальше, в любую секунду готовый пуститься наутек. Ваймс подбросил монетку в воздух, перепуганный старик поймал пенни, метко сплюнул на него и исчез в кустах. Казалось, он разочаровался, не услышав шипения.

– Как давно твои родственники перестали бросать слугам раскаленные монеты? – поинтересовался Ваймс, усаживаясь в карету, которая тут же тронулась с места.

Сибилла отложила книгу.

– Мой отец положил конец этому обычаю. Мама жаловалась. Привратники тоже.

– Да уж не сомневаюсь.

– Нет, Сэм, они жаловались, что обычай отменили.

– Но это же унижительно!

Сибилла вздохнула.

– Да, знаю, Сэм, но ведь они получали деньги просто так. Во времена моего прадедушки, если съезжалось много гостей, привратник порой зарабатывал шесть пенсов в день. А поскольку старик, не переставая, хлестал ром и бренди, он иногда швырял и доллар. Настоящий старинный золотой доллар. На него можно было неплохо прожить целый год, особенно в деревне.

– Да, но... – начал Ваймс, но жена улыбкой заставила его замолчать. Для таких случаев у Сибиллы была особая улыбка – теплая, дружеская... и высеченная из камня. Оставалось либо прекратить дискуссию, либо нестись вперед, рискуя врезаться головой в скалу и причинить ущерб исключительно самому себе. Сэм Ваймс, хорошо затвердивший некоторые уроки, предпочел отвернуться к окну.

Ворота остались далеко позади, а он продолжал смотреть вперед, ожидая увидеть в вечернем свете большой дом, который был центром поместья. Однако Овнец-Холл оказался не раньше, чем карета загромычала по аллее мимо «идиллических пастбищ» – как выразился бы какой-нибудь дурак поэт, – усеянных, насколько мог судить Ваймс, овцами, мимо аккуратно подстриженных рощ, по мосту, который сделал бы честь и городу³. Мост пересекал, как подумал Ваймс, декоративное озеро, но на поверку оно оказалось очень широкой рекой. Пока они с достоинством катили через мост, Ваймс заметил внизу огромную лодку, плывущую без парусов и весел. Судя по запаху, на ней везли скот. В этот момент Юный Сэм сказал:

– А на этих дамах нет никакой одежды! Что ли они собираются купаться?

Ваймс рассеянно кивнул, потому что десяток обнаженных женщин – вовсе не тот предмет, который стоит обсуждать с шестилетним мальчиком. В любом случае его внимание по-прежнему привлекала лодка; вода вокруг нее так и бурлила, а матросы на палубе приветствовали госпожу Сибиллу, а возможно, одну из обнаженных статуй.

– Это ведь река? – уточнил Ваймс.

– Да, это Щеба, – сказала госпожа Сибилла. – В ее поймах расположена большая часть Октариновых лугов, и тянется она до самого Щеботана. Насколько я помню, большинство местных жителей называет ее Старой Изменницей. У Щебы капризный нрав, но в детстве мне так нравились эти маленькие лодочки. Они просто прелестны.

Карета с грохотом съехала с дальнего конца моста и покатила по аллее – да-да, к величественному дому – наверное, подумал Ваймс, так говорят, если дом вполне под стать какому-нибудь величеству. На лужайке паслось стадо оленей, а у парадной двери толпилось стадо людей. Слуги поспешно выстраивались в две шеренги, как на свадьбе. Что-то вроде почетного караула. Их было больше трехсот, от садовников до лакеев. Все пытались улыбаться, хоть довольно безуспешно. Ваймс вспомнил парады Стражи.

Двое лакеев столкнулись лбами, одновременно попытавшись опустить подножку кареты, и Ваймс окончательно испортил торжественный момент, выбравшись из противоположной дверцы и вытащив за собой госпожу Сибиллу.

Среди перепуганных лиц он увидел одно дружелюбное, и оно принадлежало Вилликинсу, дворецкому и камердинеру Ваймса, приехавшему из Анк-Морпорка. По крайней мере, в этом отношении Ваймс был непреклонен. Если он поедет в деревню, то привезет с собой Вилликинса. Ваймс объяснил жене, что Вилликинс уж точно не стражник, потому что большинство стражников не знают, как зарезать человека при помощи разбитой бутылки, не повредив при этом рук, или как превратить обычную кухонную утварь в оружие, пускай не всемогущее, но однозначно смертельное. И вдобавок Юный Сэм, увидев покрытое шрамами лицо Вилликинса, прорвался сквозь толпу удивленных слуг и с размаху обнял колени дворецкого. Тот, в свою очередь, поднял Юного Сэма вниз головой и перекувырнул, прежде чем осторожно поставить обратно на землю. Эта процедура доставила бы любому шестилетнему мальчику огромное удовольствие. Ваймс доверял Вилликинсу. Он мало кому доверял. Человек, прослуживший много лет стражником, становится в этом отношении довольно привередливым.

Он склонился к жене.

³ Не считая вереницы художественно обнаженных женщин вдоль парапета. Они держали в руках амфоры, а амфоры – это искусство.

– Что я должен сделать? – шепнул он, потому что ряды нервных улыбок его не на шутку тревожили.

– Что хочешь, милый, – ответила та. – Ты хозяин. Ты ведь принимаешь парады Стражи, не так ли?

– Да, но там я знаю каждого по имени и по званию... и так далее! В городе такого не бывает!

– Да, дорогой, потому что в Анк-Морпорке все знают командора Ваймса.

«Ладно, ничего сложного», – подумал Ваймс. Он подошел к мужчине в потрепанной соломенной шляпе, с лопатой в руках и выражением легкого ужаса на лице, еще похлеще, чем у самого сэра Сэмюэля. Ваймс протянул руку. Мужчина в шляпе посмотрел на нее, как будто никогда раньше не видел протянутых рук.

Ваймс, запинаясь, произнес:

– Привет, я Сэм Ваймс, а вас как зовут?

Мужчина, слышав это, оглянулся в поисках помощи, поддержки, подсказки или пути к бегству, но тщетно; толпа хранила мертвое молчание.

– Уильям Батлер, сэр, с вашего позволения, – ответил он.

– Рад познакомиться, Уильям, – сказал Ваймс и снова протянул руку. Уильям сначала отшатнулся, а потом сунул ему ладонь, на ощупь похожую на старую кожаную перчатку.

Что ж, подумал Ваймс, все не так страшно. И смело шагнул на неизведанную территорию.

– Чем вы здесь занимаетесь, Уильям?

– Я садовник, – запинаясь, ответил тот и выставил перед собой лопату, одновременно как средство защиты и удостоверение личности.

Поскольку Ваймс и сам чувствовал себя не в своей тарелке, он ограничился тем, что попробовал лезвие пальцем и пробормотал:

– Что ж, она у вас в должном виде. Вы молодчина, мистер Батлер.

И подпрыгнул, когда кто-то похлопал его по плечу. Сибилла сказала:

– Ты тоже молодчина, милый, но на самом деле просто нужно было подняться на крыльцо и похвалить дворецкого и экономку за отменную выправку слуг. Мы здесь простоим целый день, если ты будешь болтать с каждым.

С этими словами госпожа Сибилла крепко взяла мужа за руку и повлекла вверх по лестнице, между рядами вытаращившейся челяди.

– Так, – прошептал Ваймс, – я вижу лакеев, поваров и садовников, но кто все эти парни в толстых куртках и котелках? Неужели у нас есть собственные судебные приставы?

– Исключено, дорогой. Это лесничество.

– Котелки им совсем не идут.

– Ты так думаешь? Кстати говоря, их придумал лорд Котелл, чтобы защитить лесничих на случай жестокого нападения браконьеров. Насколько мне известно, эти штуки необычайно прочные. Гораздо лучше, чем стальные шлемы, потому что от удара по котелку в ушах не звенит.

Явно будучи не в силах скрыть свою досаду на то, что новый хозяин предпочел поздороваться за руку с садовником, прежде чем обратиться к ним, дворецкий и экономка – оба, разумеется, румяные и с брюшком, как и предполагал Ваймс – поняли, что ждут напрасно, и заспешили к нему с такой скоростью, какую только позволяли развить коротенькие ножки.

Ваймс, черт возьми, знал, как живется под лестницей и на чердаке. Не так давно полицейскому, приглашенному в большой дом, частенько предлагали пройти с черного хода, чтобы забрать в участок рыдающую горничную или туповатого мальчишку-чистильщика, без всяких улик обвиненных в краже кольца или серебряной расчески, которую хозяйка дома, как правило, сама находила, протрезвев. Теоретически, стражники существовали не для этого, хотя на самом деле, конечно, именно для этого они и существовали. Все дело было в привилегиях,

и молодой Ваймс едва успел сносить первую пару казенных башмаков, когда сержант объяснил ему, что есть что. Это называлось частное право. В те дни влиятельному человеку многое могло сойти с рук, если он обладал правильным произношением, правильной булавкой на галстук и правильными друзьями. А молодой стражник, который чересчур много возражал, рисковал остаться без работы и без рекомендаций.

Сейчас все изменилось коренным образом.

Но в те, прежние времена молодой Ваймс считал дворецких двойными предателями, а потому одарил грузного мужчину в черном фраке убийственным взглядом. И легкий поклон, которым тот поприветствовал Ваймса, отнюдь не улучшил дела. Ваймс жил в мире, где отдавали честь.

– Я Сильвер, дворецкий, ваша светлость, – с легким упреком произнес толстяк.

Ваймс немедленно схватил его за руку и горячо пожал.

– Приятно познакомиться, мистер Сильвер.

Дворецкий поморщился.

– Просто Сильвер, сэр, без всяких мистеров.

– Извините, *мистер* Сильвер. А как вас зовут?

Было забавно наблюдать замешательство дворецкого.

– Сильвер, сэр! Просто Сильвер!

– Знаете, мистер Сильвер, – сказал Ваймс, – лично я считаю, что под одеждой все люди одинаковы.

Лицо дворецкого застыло, и он произнес:

– Возможно, но я был и всегда буду Сильвером, командор. Добрый вечер, *ваша светлость*, добрый вечер, леди Сибилла. В последний раз члены вашего семейства приезжали погостить семь или восемь лет назад. Смею ли я ожидать дальнейших визитов? И позвольте представить мою жену, миссис Сильвер, экономку, – кажется, вы с ней еще не знакомы?

Мозг Ваймса автоматически перевел: «Мне досадно, что ты пренебрег мною, чтобы пожать руку садовнику». Честно говоря, Ваймс сделал это не нарочно. Он поздоровался с садовником просто от ужаса, чистого и всепоглощающего. Дальнейший перевод гласил: «Боюсь, в ближайшем будущем нас ждет не самая простая жизнь».

– Погодите-ка, – перебил Ваймс. – Моя жена тоже светлость, и это покруче, чем просто леди. Си... ее светлость заставила меня взглянуть в табель о рангах.

Леди Сибилла знала повадки своего мужа, как люди, живущие рядом с вулканом, со временем узнают привычки своего опасного соседа. Самое главное – избежать взрыва.

– Сэм, для слуг в обоих наших домах я была леди Сибиллой с самого детства, поэтому я не обижаюсь, когда меня так называют люди, которых я всегда считала друзьями, и ты это знаешь!

«У всех нас, – добавила она мысленно, – есть свои маленькие причуды. Даже у тебя, Сэм».

И пока эта благоуханная отповедь висела в воздухе, она пожала руку дворецкому и повернулась к сыну:

– После ужина, Юный Сэм, ты сразу же ляжешь спать. И никаких споров.

Ваймс огляделся, когда маленькая компания вступила в переднюю, которая, судя по всему, служила оружейной. Любой полицейский счел бы ее оружейной, хотя, несомненно, для Овнецов, которые увешали все стены мечами, алебардами, саблями, булавами, пиками и щитами, эта пестрая коллекция была просто собранием исторических курьезов. И в центре висел огромный герб. Ваймс знал, что девиз гласит: «Что имеем, то храним».

Вскоре госпожа Сибилла уже возилась в огромной прачечной вместе с горничной Пьюрити, которую, по настоянию Сэма, взяли в дом после рождения Юного Сэма и которая, по твердому убеждению Ваймса и Сибиллы, достигла взаимопонимания с Вилликинсом, хотя для обоих оставалось тайной, каким именно образом. Женщины предавались типично женскому

развлечению – они вынимали одежду из одних шуток и клали в другие. Это могло тянуться долго и предполагало еще кое-какие ритуалы – например, одежду полагалось подносить к свету и печально вздыхать.

В отсутствие каких-либо дел Ваймс вышел на роскошное крыльцо и закурил сигару. Касательно курения в доме Сибилла была непреклонна. Чей-то голос у него за спиной произнес:

– Необязательно стоять здесь, сэр. В доме есть неплохая курительная комната, в том числе снабженная вентилятором с часовым заводом. Стильная штука, сэр, поверьте, такие не часто увидишь.

Ваймс зашагал за Вилликинсом.

Курительная комната действительно оказалась неплохая, хотя его личное знакомство с подобными помещениями было весьма ограничено. В комнате стоял огромный бильярдный стол, а внизу располагался погреб, в котором спиртного было больше, чем видел когда-либо хоть один завязавший алкоголик.

– Мы ведь предупредили слуг, что я не пью, правда, Вилликинс?

– Да, сэр. Сильвер сказал, что в Холле принято – если не ошибаюсь, он выразился именно так – держать погреб полным на случай гостей.

– Ну, по-моему, жаль упускать такую возможность, Вилликинс, поэтому погреб к твоим услугам. Налей себе выпить.

Вилликинс заметно вздрогнул.

– Нет, сэр. Это совершенно исключено, сэр.

– Почему, старина?

– Так нельзя, вот и все, сэр. Я стану посмешищем Лиги лакеев и камердинеров, если позволю себе такую дерзость и выпью со своим нанимателем. Каждый сверчок должен знать свой шесток, сэр.

Ваймса как поборника равноправия, хоть и относительного⁴, это оскорбило до глубины души. Он сказал:

– Я знаю твой шесток, Вилликинс, и он ничем не отличается от моего, если подсчитать очки и подвести итог.

– Послушайте, сэр, – произнес Вилликинс почти умоляющим голосом. – Так уж получилось, что мы должны следовать некоторым правилам. Поэтому я не стану пить с вами, поскольку сейчас не Страшдество и не день рождения вашего наследника, каковые случаи подходят под упомянутые правила. Но я воспользуюсь допустимой альтернативой, а именно, дождусь, пока вы отправитесь спать, и выпью полбутылки.

«Что ж, – подумал Ваймс, – у всех есть свои маленькие забавные причуды, хотя некоторые причуды Вилликинса не назовешь забавными, если попасть ему под горячую руку в темном переулке». Но он почувствовал облегчение, наблюдая за Вилликинсом, который рылся в битком набитом шкафу с ингредиентами для коктейлей и педантично отмерял капли в высокий стеклянный бокал⁵.

Вроде бы невозможно достичь эффекта присутствия алкоголя в напитке, в который алкоголь не добавляли, но среди талантов, которые Вилликинс с годами развил, а может быть и позаимствовал, была способность готовить из самых обычных составляющих абсолютно безобидный напиток, который, тем не менее, обладал почти всеми свойствами спиртного. В коктейле присутствовали табаско, огурец, имбирь и чили... а касательно всего остального Ваймс предпочитал не задавать лишних вопросов.

Наконец-то с бокалом в руке, Ваймс откинулся на спинку кресла и спросил:

⁴ Это скользкий вопрос; для Ваймса все люди были равны, ну, с той разницей, что капитан равнее сержанта, а командор равнее капитана, а что касается капрала Шнобби Шнобса... э... никто еще не бывал равен капралу Шнобби Шнобсу.

⁵ Металл в данном случае неприемлем... и небезопасен.

– Как там слуги, Вилликинс?

Дворецкий понизил голос.

– Снимают сливки, сэр, но, в общем, ничего сверх меры. Каждый что-нибудь да тащит, это вроде как дополнительная льгота. Такова жизнь.

Ваймс улыбнулся при виде нарочито бесстрастного лица Вилликинса и громко спросил, обращаясь к тем, кто незримо подслушивал:

– Добросовестный человек этот Сильвер, а? Очень, очень приятно.

– Похоже, на него можно положиться, сэр, – ответил камердинер, возводя очи горе и указывая пальцем на маленькую решетку в стене – входное отверстие пресловутого вентилятора, которым, несомненно, пользовался тот, кто заводил часовой механизм. Упустит ли хоть один дворецкий, достойный своего толстого брюха, возможность узнать, о чем думает новый хозяин? Черта с два.

Дополнительные льготы, да? Разумеется, здешняя публика своего не упустит. И для этого не нужны были улики. Такова человеческая натура. Ваймс не раз предлагал Сибилле – настаивать он бы не посмел, – чтобы дом заперли и продали кому-нибудь, кто действительно хочет жить в этой скрипучей ледяной громаде, способной вместить целый полк. Сибилла слышать ничего не желала. У нее были теплые детские воспоминания об Овнец-Холле – как она лазала по деревьям, плавала, ловила рыбу в реке, собирала цветы, помогала садовникам, ну и о прочих сельских радостях, которые Ваймсу казались далекими, как Луна, тем более что сам он в отрочестве думал исключительно о том, чтобы выжить. В реке Анк, конечно, *можно* ловить рыбу, главное – не стараться что-нибудь поймать. Более того, человеку, проглотившему всего одну капельку анкской воды, грозило несметное количество болезней. А что касается садовников, то в Анк-Морпорке чаще попадались ссадины и садисты.

День выдался долгий, и ночлег на постоялом дворе трудно было назвать спокойным и полезным для здоровья, но, прежде чем лечь в огромную постель, Ваймс открыл окно и уставился в темноту. В деревьях бормотал вечер. Ваймс недолюбливал деревья, но Сибилле они нравились, и этого было достаточно. Вокруг, во тьме, шелестело, щебетало, ухало и сходило с ума нечто, о чем он не желал знать. Ваймс понятия не имел, что это за твари, и надеялся обойтись без знакомства. Как уснуть при таком шуме?

Он лег в постель и некоторое время шарил вокруг, прежде чем нашел жену и успокоился. Сибилла велела оставить окно открытым, чтобы впустить некоторое количество якобы волшебного свежего воздуха, и Ваймс горестно лежал под одеялом, напрягая слух в тщетной попытке услышать привычные звуки – вопль пьяного, бредущего домой, или ругань носильщика, которому заблевали подушки в паланкине, или шум уличной драки, или домашний скандал, или просто пронзительный крик, – и все это под размеренный бой городских часов, которые, как известно, били все вразнобой. И другие звуки, потише, например, гроыхание золотарных фургонов Гарри Короля, которые отправлялись вершить свое грязное дело. А самое приятное – крик Ночной Стражи в дальнем конце улицы: «Двенадцать часов, и все покойно!» Не так давно всякий, кто попытался бы это прокричать, лишился бы колокольчика, шлема и, вероятно, сапог прежде, чем эхо успело бы замереть вдали. Но только не теперь. О нет. Это была современная Стража, Ваймсова Стража, и каждый, кто вздумал бы с нехорошим умыслом напасть на стражника в патруле, услышал бы свист и очень быстро понял, что если кому и надают пинков, то точно не стражнику. Патрульные старались выкрикивать время перед домом номер один на Лепешечной улице с особым, почти театральным тщанием, чтобы командор непременно услышал.

Ваймс сунул голову под огромную подушку и постарался отвлечься от ужасной, пугающей тишины. Отсутствие звуков не давало заснуть человеку, который привык не обращать внимания на регулярный шум. Каждую ночь, год за годом.

Но в пять часов утра Мать-Природа нажала на кнопку, и мир сошел с ума. Все живые твари, в том числе, судя по звукам, аллигаторы, соперничали друг с другом, кто громче рывкнет. Какофония звуков не сразу дошла до ушей Ваймса. По крайней мере, огромная кровать располагала почти неисчислимым запасом подушек. Ваймс обожал подушки, когда не спал на собственной кровати. Один-два жалких мешочка с перьями, похожих на запоздалую мысль... нет, это не для него. Он любил зарываться в подушки, превращать их в мягкую крепость, оставив лишь дырку для доступа воздуха.

Ужасающий шум уже стихал, когда он вынырнул на поверхность. Да, вспомнил Ваймс, это еще одно свойство растреклятой деревни. Жизнь в ней начинается слишком рано. Командор по обычаю, по наклонностям и по необходимости вел ночной образ жизни, иногда так и исключительно ночной; с его точки зрения, семи часов было достаточно один раз в день. С другой стороны, он почувствовал запах бекона; в следующую минуту в комнату вошли две взволнованные юные особы, неся подносы на каких-то затейливых металлических штуковинах, которые в разложенном виде практически не позволяли сесть и съесть поданный завтрак.

Ваймс растерянно похлопал глазами. Положение дел явно улучшалось. Сибилла считала своим долгом позаботиться о том, чтобы ее супруг жил вечно; она не сомневалась, что этого блаженного состояния можно достигнуть, если кормить его исключительно способствующими пищеварению орехами, злаками и йогуртом, который, с точки зрения Ваймса, представлял собой сыр, который не созрел. Все это никуда не годилось по сравнению с привычным утренним сэндвичем с беконом, салатом и помидором. Ваймс просто диву давался, что все стражники в этом отношении безоговорочно повиновались жене своего начальника. А если начальник вопил и топал ногами – что вполне понятно и даже простительно для человека, которого лишили с утра куса подгорелой свинины, – они ссылались на инструкции леди Сибиллы, нимало не сомневаясь, что Ваймс грозит не всерьез, а если кого-то и уволит, то тут же вернет на место.

Сибилла выбралась из подушек и сказала:

– У тебя отпуск, дорогой.

Завтрак, который дозволялось съесть в отпуске, состоял из яичницы, точь-в-точь как любил Ваймс, и сосисок, но, к сожалению, никакого поджаренного бекона. Даже в отпуске это, видимо, считалось смертным грехом. Зато кофе был черным, густым и сладким.

– Ты крепко спал, – заметила Сибилла, пока Ваймс удивлялся неожиданной роскоши.

Он ответил:

– Нет, дорогая, заверяю тебя, я и глаз не сомкнул.

– Сэм, ты всю ночь храпел. Я же слышала!

Ваймс достаточно усвоил науку супружества, чтобы удержаться от дальнейших комментариев. Он лишь сказал:

– Правда? Я храпел? Ну, извини.

Сибилла принялась перебирать небольшую пачку пастельных конвертов, лежавших на подносе с завтраком.

– Ну вот, новости уже разошлись, – произнесла она. – Герцогиня Кипсек пригласила нас на бал, сэр Генри и леди Пепелинг пригласили нас на бал, лорд и леди Персст пригласили нас... да, на бал!

– Однако, – сказал Ваймс, – какая прорва...

– Не смей, Сэм, – предупредила жена, и Ваймс робко закончил:

– ...приглашений. Ты же знаешь, дорогая, что я не умею танцевать. Я просто топчусь на месте и наступаю даме на ноги.

– Ну, балы устраивают в основном для молодежи. Многие семьи приезжают на лечебные воды в Хэм-на-Ржи, это неподалеку отсюда. И основная забота у родителей – выдать дочь за подходящего человека, а для этого нужны балы, непрерывные балы.

– Вальс я еще кое-как станцую, – сказал Ваймс, – там главное счет. Но ты же знаешь, что я терпеть не могу все эти танцы с прыжками, контрабансы да ботильоны.

– Не беспокойся, Сэм, мужчины постарше обычно просто сидят и покуривают. Поиском подходящих холостяков занимаются матери. Надеюсь, моя подруга Ариадна выдаст замуж всех своих девочек. Она родила сразу шестерых. Это большая редкость. Юная Мэвис очень благочестива, а здесь наверняка есть какой-нибудь молодой священник, который ищет жену, а главное, приданое. А Эмили миниатюрная блондинка, она превосходно готовит, но стесняется, что у нее слишком большая грудь.

Ваймс уставился в потолок.

– Подозреваю, будущий муж не станет особо упираться, – предрек он. – Назови это мужской интуицией.

– Потом Флер, – продолжала госпожа Сибилла, не обращая на него внимания. – Она мастерит очаровательные шляпки.

На мгновение она задумалась.

– А следующая – Аманда, если не ошибаюсь. Очень интересуется лягушками. Хотя, может быть, я просто ослышалась. И еще Джейн. Девушка со странностями, как говорит Ариадна. Она как будто не знает, куда себя деть.

Ваймсу было совершенно не интересно слушать о чужих детях, но считать он умел.

– А последняя?

– О, Гермiona. С ней могут возникнуть некоторые сложности, потому что она скомпрометировала семью, по крайней мере в представлении родных.

– Каким же образом?

– Она дровосек.

Ваймс на мгновение задумался и сказал:

– Ну, дорогая, по крайней мере, если женщина умеет владеть разными инструментами, ее не испугает даже самый большой...

Госпожа Сибилла резко перебила:

– Сэм Ваймс, я правильно понимаю, что ты собираешься отпустить неприличную шутку?

– По-моему, ты успела первой, – с ухмылкой заметил Ваймс. – Признай, дорогая, обычно так и бывает.

– Может быть, ты и прав, Сэм, – сказала Сибилла, – но я это делаю лишь для того, чтобы помешать тебе ляпнуть непристойность. В конце концов, ты герцог Анкский и повсеместно считаешься правой рукой патриция Ветинари. А значит, неплохо бы соблюдать некоторые приличия, тебе так не кажется?

Холостяк счел бы слова Сибиллы ненавязчивым советом; но для опытного мужа это был приказ, тем более властный, что отдан он был весьма нежно.

Поэтому, когда сэр Сэмюэль Ваймс, он же командор, он же его светлость герцог Анкский⁶, вышел прогуляться после завтрака, все три упомянутых лица старались вести себя как можно лучше. В отличие от некоторых.

В коридоре, неподалеку от спальни, служанка мела пол; она испуганно взглянула на Ваймса, который приближался к ней, развернулась и напряженно уставилась в стену. Девушка дрожала от страха, и Ваймс знал, что в подобных обстоятельствах не следует задавать вопросов и уж тем более предлагать помощь. Ответом будет испуганный крик. Возможно, сказал он себе, девочка просто стесняется.

Но, похоже, эта застенчивость была заразна: по пути ему попадались и другие служанки, которые несли подносы, подметали пол или стирали пыль, и всякий раз, когда Ваймс проходил

⁶ Не говоря уже о Ваймсе – Дежурном по Доске, небезызвестной личности в гномьих кругах.

мимо, они немедленно поворачивались спиной и стояли, уставившись в стенку, как будто от этого зависела их жизнь.

Оказавшись в длинной галерее, увешанной портретами Овнецов, Ваймс решил, что с него достаточно. Когда юная особа с чайным подносом сделала пируэт, как балерина на крышке музыкальной шкатулки, он поинтересовался:

– Простите, мисс, неужели я так уродлив?

Во всяком случае, это ведь было лучше, чем напрямую спросить, почему она так невежлива! Так почему же, во имя трех богов, девушка пустилась бежать прочь, гремя подносом? Среди разнообразных Ваймсов верх одержал командор. Герцог был слишком грозен, а Дежурный по Доске просто не справился бы с задачей.

– Стоять! Поставь поднос и медленно повернись!

Служанка заскользила по полу, с трудом остановилась и изящно повернулась, продолжая прижимать к себе поднос. Она стояла, дрожа от страха. Ваймс поравнялся с ней и спросил:

– Как вас зовут, мисс?

Она ответила, продолжая отводить глаза:

– Ходжес, ваша светлость. Простите, ваша светлость.

Утварь на подносе продолжала дребезжать.

– Послушай, – сказал Ваймс, – я не могу собраться с мыслями, пока ты гремишь посудой. Осторожно поставь поднос на пол, ладно? Ничего плохого с тобой не случится. Просто я хочу видеть, с кем разговариваю. Ты очень меня обяжешь.

Она нерешительно взглянула на него.

– Так, – продолжал Ваймс. – Ну и в чем дело, мисс Ходжес? Зачем от меня бегать?

– Пожалуйста, сэр... – с этими словами девушка скользнула к ближайшей двери, обитой сукном, и исчезла за ней. И тогда Ваймс обнаружил, что у него за спиной еще одна юная особа, почти не различимая в своем темном платье. Она стояла лицом к стене и дрожала. Несомненно, она слышала разговор с мисс Ходжес, поэтому Ваймс осторожно подошел к ней и сказал:

– Я не требую ответа. Просто кивни или покачай головой, когда я задам вопрос. Ты понимаешь?

Она чуть заметно кивнула.

– Прекрасно, это уже прогресс. У тебя будут неприятности, если ты со мной заговоришь?

Снова микроскопический кивок.

– А если я с тобой заговорю?

Девушка, проявив недюжинную изобретательность, пожала плечами.

– А у той, другой?

По-прежнему стоя к нему спиной, служанка выставила левую руку с недвусмысленно опущенным большим пальцем.

– Спасибо, – сказал Ваймс своей незримой собеседнице. – Ты мне очень помогла.

Он задумчиво зашагал обратно вверх, сквозь ряды спин, и с огромным облегчением обнаружил в прачечной Вилликинса. Тот не развернулся к Ваймсу спиной, что было весьма приятно⁷.

Вилликинс складывал сорочки с тщанием, которое в противном случае мог бы направить на аккуратное отрезание уха поверженного противника. Когда манжеты его безупречно чистой куртки слегка задирались, виднелись татуировки на предплечьях, но, к счастью, не подписи. Ваймс спросил:

– Вилликинс, что это за вращающиеся служанки?

⁷ Вилликинс был превосходным дворецким, а также камердинером, когда того требовали обстоятельства, но некогда он также был превосходным уличным бойцом и прекрасно знал, что не следует поворачиваться спиной к человеку, у которого, возможно, есть оружие.

Тот улыбнулся.

– Старый обычай, сэр. Не без причины, разумеется. Причина всегда есть, пусть даже на первый взгляд глупейшая. Не обижайтесь, командор, но, зная вас, я бы посоветовал оставить возвращающихся служанок в покое, пока вы, так сказать, не освоитесь. Кстати говоря, ее светлость и Юный Сэм в детской.

Через несколько минут Ваймс, пережив еще некоторое количество испытаний, вошел в рай, пусть в нем и пахло плесенью.

У Ваймса было мало родственников. Весьма немногие горели желанием признать, что их отдаленный предок был цареубийцей. Это все, разумеется, давно стало историей, и свежее испеченный герцог Анкский удивлялся тому, что нынешние учебники превозносили память Старины Камнелица, стражника, который казнил коронованного мерзавца и сделал отчаянный рывок навстречу свободе и законности. Ваймс знал, что история такова, какой ее делают, а патриций Ветинари имел в своем распоряжении весьма широкий выбор средств убеждения, которые по счастливой случайности остались от давних цареубийственных дней и до сих пор хранились в подвале, хорошо смазанные маслом. История такова, какой ее делают, и патриций Ветинари мог сделать из нее... что угодно. А потому ужасный изменник Камнелиц загадочным образом исчез – его никогда не было, вы, наверное, ошиблись, мы в жизни о нем не слышали, нет-нет – и вместо него появился отважный, хоть и трагически непонятый, тираноубийца Камнелиц Ваймс, знаменитый предок высокоуважаемого герцога Анкского, командора сэра Сэмюэля Ваймса. История – чудесная штука, она движется, как море, и Ваймс плыл по течению.

Семья Ваймса никогда не выходила за пределы одного поколения. Никаких наследств, семейных драгоценностей, салфеточек, вышитых давно умершей тетушкой, любопытных старых кувшинов на бабушкином чердаке, никакого вострого юнца, который все знает о старинных вещах и утверждает, что эта штука стоит тысячу долларов, так что теперь можно купаться в роскоши. И никаких денег – только неоплаченные долги. Но здесь, в детской Овнец-Холла, аккуратно сложенные рядами, хранились целые поколения игрушек. Некоторые были слегка потерты от долгого использования, особенно лошадка-качалка, почти в натуральную величину, с настоящим кожаным седлом и сбруей из чистого серебра (в чем Ваймс, к своему огромному удивлению, убедился, потеряв уздечку пальцем). Еще здесь стоял игрушечный замок, достаточно большой, чтобы ребенок мог встать во весь рост, и разнообразные осадные орудия подходящего размера, чтобы атаковать крепость, – при поддержке сотен оловянных солдатиков, педантично раскрашенных в полковые цвета и воспроизведенных во всех подробностях. Ваймс и сам не отказался бы сесть на ковер и поиграть с ними. Были в детской и игрушечные яхты, и такой большой плюшевый медвежонок, что Ваймс на мгновение испугался, сочтя его настоящим; были катапульты, бумеранги и планеры... и в середине этого великолепия стоял Юный Сэм, потрясенный, почти в слезах при мысли о том, что не получится играть всем одновременно, как бы он ни старался. У Ваймса было совсем другое детство – он играл в дерьмосалочки с настоящим дерьмом.

Подозрительно рассматривая лошадку-качалку, обладавшую пугающе большими зубами, Ваймс рассказал жене про оскорбительно возвращающихся служанок. Сибилла пожалала плечами.

– Вполне естественно, дорогой. Они так привыкли.

– Как ты можешь так говорить? Это же унижительно!

Когда доходило до объяснений с супругом, леди Сибилла исполнялась спокойствия и понимания.

– Потому что, чисто теоретически, они *ниже* нас. Они проводят массу времени, прислуживая людям, которые намного значительнее их. И ты, дорогой, возглавляешь список этих людей.

– Но я-то не считаю, что в чем-то значительнее их! – огрызнулся Ваймс.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, и это делает тебе честь, право слово, – продолжала Сибилла, – но говоришь ты чушь. Ты герцог, командор городской Стражи и... – она помедлила.

– Дежурный по Доске, – машинально добавил Ваймс.

– Да, Сэм, и это величайшая честь, какой только мог удостоить тебя король гномов, – глаза Сибиллы сверкнули. – Ваймс, Дежурный по Доске! Тот, кто стирает написанные слова. Человек, который уничтожает то, что было прежде. Вот кто ты такой, Сэм. Если ты погибнешь, правительственные канцелярии всего мира содрогнутся... и, к сожалению, Сэм, они не содрогнутся от смерти горничной.

Она вскинула руку, потому что Ваймс открыл рот, и продолжала:

– Я знаю, что лично ты бы содрогнулся, Сэм, но, хоть они и чудесные девушки, их смерть, боюсь, опечалит лишь родных, да еще, возможно, какого-нибудь молодого человека, в то время как остальной мир об этом никогда не узнает. И ты, Сэм, понимаешь, что я права. Но если тебя убьют – да, эта мысль ужасна, и, клянусь, я дрожу всякий раз, когда ты уходишь на службу, – о случившемся немедленно узнает не только Анк-Морпорк, но и весь мир. Начнутся войны, и я подозреваю, что положение Ветинари слегка пошатнется. Ты гораздо значительнее, чем служанки. Ты значительнее, чем кто бы то ни было в Страже. Ты просто путаешь значимость с ценностью.

Сибилла поцеловала встревоженного мужа.

– Кем бы ты ни был раньше, Сэм Ваймс, с тех пор ты поднялся, притом заслуженно. Сам знаешь, сливки находятся сверху.

– И мусор тоже, – машинально ответил Ваймс – и тут же пожалел об этом.

– Как ты смеешь так говорить, Сэм Ваймс! Пускай ты был необработанным бриллиантом, но заметно отполировался! И, как ни поверни, муж мой, хоть ты и перестал быть одним из многих, зато стал одним для многих, и я думаю, всем от этого только лучше, ты слышишь?

Юный Сэм обожающе взглянул на отца, пуская лошадку-качалку в галоп. Против объединенных сил жены и сына у Ваймса никогда не было шансов. Вид у него был такой подавленный, что госпожа Сибилла, как обычно делают жены, попыталась его утешить.

– В конце концов, Сэм, ты же требуешь, чтобы стражники выполняли свои обязанности, не так ли? Вот и экономка ожидает, что служанки будут выполнять свои.

– Это совсем другое, честное слово. Стражники наблюдают за людьми, и я никогда не говорил им, что на работе они не имеют права ни с кем общаться. В конце концов, так можно добыть ценные сведения...

Ваймс понимал, что теоретически прав, но всякий, кого на большинстве городских улиц уличили бы в общении со стражником по более серьезному вопросу, нежели «который час», вскоре вынужден был бы питаться через соломинку. Но аналогия в любом случае была верная – так он подумал, ну или подумал бы, если бы слово «аналогия» входило в его активный словарный запас. Если ты кому-то служишь, это еще не значит, что ты должен вести себя как заводной солдатик...

– Объяснить тебе, почему служанки так вращаются, Сэм? – спросила Сибилла, когда Юный Сэм обнял огромного плюшевого мишку, который напугал его своим рычанием. – Это правило ввели во времена моего дедушки по распоряжению его жены. В те дни Овнецы принимали по праздникам десятки гостей. Разумеется, в их числе было множество молодых людей из лучших городских семейств. Хорошо образованных и полных, так сказать, сил и задора.

Сибилла взглянула на Юного Сэма и с облегчением убедилась, что мальчик выстраивает на полу игрушечных солдатиков.

– Служанки же, естественно, малообразованны, и, к моему прискорбию, они бывают чересчур податливы в присутствии людей, которых привыкли считать вышестоящими, – она покраснела и указала на Юного Сэма, который, к счастью, по-прежнему не обращал внимания на родителей. – Несомненно, ты уловил мою мысль, Сэм? Вижу, что да. У моей бабушки,

которую ты почти наверняка возненавидел бы, были благородные побуждения, поэтому она приказала, чтобы все служанки не только воздерживались от разговоров с гостями мужского пола, но и не смотрели на них под страхом увольнения. Возможно, ты скажешь, что она была жестока, но не настолько уж, если хорошо подумать. В результате служанки уходили из Холла с хорошими рекомендациями, и им не приходилось смущаться, надевая на свадьбу белое платье.

– Но я счастливо женат, – возразил Ваймс. – И вряд ли Вилликинс рискнет вызвать гнев Пьюрити.

– Да, дорогой, и я побеседую с миссис Сильвер. Но это провинция, Сэм. Здесь живут по старинке. И вообще, почему бы тебе не погулять с Юным Сэмом и не показать ему реку? Возьми с собой Вилликинса, он знает дорогу.

Юного Сэма не нужно было усиленно развлекать. Более того, он развлекался сам, получая огромное удовольствие от окружающего пейзажа, от сказок, которые он слушал вчера на ночь, и от мимолетных мыслей, мелькавших у него в голове. Наконец, он безостановочно говорил о мистере Свистке, который жил в домике на дереве, а иногда превращался в дракона. Еще у мистера Свистка были большие сапоги, он не любил среды, потому что они странно пахли, и носил зонтик.

Иными словами, Юного Сэма совершенно не беспокоила деревня; мальчик бежал впереди Ваймса и Вилликинса, показывая на деревья, овец, цветы, птиц, стрекоз, забавные облака и человеческий череп. Находка его совершенно не напугала, и Сэм побежал показать ее папе, который уставился на череп, как будто увидел... ну да, человеческий череп. Несомненно, он пробыл в таком состоянии уже долгое время, и за ним явно ухаживали, в частности полировали.

Пока Ваймс вертел череп в руках, опытным взглядом ища признаки преступления, в кустарнике послышалось какое-то шлепанье, сопровождаемое драматическим монологом на тему о том, что следует сделать с людьми, которые воруют чужие черепа. Когда кусты раздвинулись, незнакомец оказался человеком неопределенного возраста и количества зубов, в грубом коричневом одеянии, с такой длинной бородой, какую Ваймс еще не видывал – а он часто бывал в Незримом Университете, где считалось, что мудрость воплощена в бороде, согревающей колени. Данная же борода неслась за своим владельцем, как хвост кометы, и поравнялась с ним, когда остановились огромные ноги, обутые в сандалии, – и по инерции свернулась в клубок на голове. Возможно, в ней и впрямь заключалась некоторая мудрость, поскольку незнакомцу хватило сообразительности, чтобы немедленно затормозить, увидев взгляд Ваймса. Настала тишина, не считая хихиканья Юного Сэма, любовавшегося бородой, которая словно жила собственной жизнью и лежала на плечах у незнакомца, как снег.

Вилликинс откашлялся и сказал:

– Я полагаю, это отшельник, командор.

– Что ему тут делать? Я думал, они живут в пещерах в пустыне, – Ваймс сердито уставился на оборванца, который явно почувствовал, что от него ждут объяснений, и намеревался предъявить их, не дожидаясь расспросов.

– Да, сэр, я знаю, сэр. Это распространенное заблуждение, и лично я сомневаюсь насчет пустыни, потому что там трудно найти банные принадлежности и все такое. То есть за границей, где солнце и много песка, наверное, еще можно как-то устроиться, но для меня это не годится, сэр, право слово.

Видение вскинуло грязную руку, как будто состоявшую из одних ногтей, и с гордостью продолжало:

– Меня зовут Отрез, сэр, и мне нечасто отказывают наотрез. Это шутка, сэр, ха-ха.

– Понимаю, – ответил Ваймс, не меняя выражения лица.

– Да, сэр, – продолжал Отрез. – Моя единственная шутка. Я занимаюсь благородным ремеслом отшельника уже почти пятьдесят семь лет, исповедуя благочестие, трезвость, целомудрие и стремление к истинной мудрости, как это делали мой отец, дедушка и прадедушка. Вы держите моего прадедушку, сэр, – бодро добавил он. – Здорово блеснит, правда?

Ваймс умудрился не выронить череп из рук. Отрез продолжал:

– Боюсь, ваш сынишка забрел в мой грот, сэр. Не обижайтесь, сэр, но деревенские ребята иногда шалят, и всего две недели назад мне пришлось снимать дедушку с дерева.

Только у Вилликинса хватило душевных сил спросить:

– Ты хранишь череп своего прадедушки в пещере?

– Да, джентльмены, и отца тоже. И дедушки. Семейная традиция, понимаете ли. Нерушимая традиция отшельничества на протяжении почти трех сотен лет, распространение набожных мыслей и сознания того, что все пути ведут к могиле, ну и других благочестивых соображений. Мы делимся ими со всеми, кто ищет мудрости, – впрочем, в наши дни таких немного. Надеюсь, сын пойдет по моим стопам, когда вырастет. Его мать говорит, он растет очень серьезным юношей, поэтому я живу надеждами, что в один прекрасный день и он меня хорошенько отполирует. На полке в моем гроте еще достаточно места, что весьма приятно.

– Твой сын? – переспросил Ваймс. – Кажется, ты упомянул про целомудрие.

– Какой вы внимательный, ваша светлость. Каждый год у нас, отшельников, отпуск на неделю. Нельзя же постоянно жить в полном одиночестве у реки, питаюсь улитками и травами.

Ваймс деликатно намекнул, что им пора идти, и предоставил отшельнику осторожно возвращать семейную реликвию в грот, где бы тот ни находился. Когда они вышли за пределы слышимости, он развел руками и спросил:

– Зачем? В смысле... *зачем?*

– О, некоторые старинные семейства содержат отшельников, сэр. Раньше считалось очень романтичным иметь грот с собственным отшельником.

– От него пахнет, – заметил Ваймс.

– Если не ошибаюсь, им запрещено мыться, сэр, и, кстати говоря, сэр, он получает содержание в виде двух фунтов картофеля, трех пинт слабого пива или сидра, трех буханок хлеба и одного фунта свиного жира в неделю. Плюс все улитки и травы, которые он сумеет добыть. Я видел счета, сэр. Неплохой рацион для садового украшения.

– Вполне сносно, если добавить фрукты и немного слабительного время от времени, – заметил Ваймс. – Значит, предки Сибиллы захаживали к отшельнику поговорить, когда сталкивались с философским дилеммой, так?

Вилликинс явно удивился.

– Помилуйте боги, нет, конечно, сэр, я даже не представляю, чтобы кому-нибудь из них такое пришло в голову. Ни одна философская дилемма никогда не представляла для них ни малейшего затруднения⁸. Они же аристократы. Аристократы не обращают внимания на философские дилеммы, они их попросту игнорируют. Философия предполагает возможность того, что ты ошибаешься, а настоящий аристократ, сэр, знает, что он *всегда* прав. Это не тщеславие, извольте видеть, это врожденная абсолютная уверенность. Порой аристократы бывают безумны, как мартовские зайцы, но при этом они *абсолютно и несомненно* безумны.

Ваймс восхищенно уставился на него.

– Черт возьми, откуда ты все это знаешь, Вилликинс?

– Я за ними наблюдал, сэр. В старые добрые времена, когда был жив дедушка ее светлости, он требовал, чтобы вся челядь с Лепешечной улицы приезжала летом сюда вместе с его

⁸ Впоследствии Ваймс задумался, откуда Вилликинс знает, как употреблять слово «дилемма», но факт остается фактом: если бывать в домах, где много книг, незаметно набираешься знаний. Если подумать, точно так же произошло и с самим Ваймсом.

семьей. Вы и сами знаете, что образования мне недостает, как и вам, по правде говоря, но когда растешь на улице, учишься быстро. А если не учишься, то погибаешь.

Они шагали по красивому мосту, под которым, вероятно, протекал пресловутый форелевый ручей – приток Старой Изменницы, как полагал Ваймс. Происхождение этого названия ему еще предстояло осмыслить. Двое мужчин и маленький мальчик шли по мосту, который мог вместить целую толпу, с лошадьми и повозками. Мир утратил равновесие.

– Видите ли, сэр, – продолжал Вилликинс, – уверенность аристократам придают деньги и земли. Иногда, конечно, она их подводит. Один из внучатых дядюшек леди Сибиллы однажды потерял виллу и две тысячи акров лучшей земли, поскольку был абсолютно уверен в том, что гардеробный номерок может сойти за козырного туза. Его убили на дуэли, которая за этим последовала, но, по крайней мере, он был *несомненно* мертв.

– Это снобизм, и он мне не нравится, – сказал Ваймс.

Вилликинс потер нос.

– Нет, командор, не снобизм. По моему опыту, настоящие аристократы этим не страдают. Кто по-настоящему уверен, не беспокоится о том, что подумают соседи, и спокойно расхаживает в старой одежде. Потому что он уверен в себе. Когда леди Сибилла была моложе, ее семья приезжала сюда на стрижку овец, и старый лорд Овнец возился в навозе вместе с работниками, засучив рукава, а потом ставил всем парням пиво и пил с ними вместе, кувшин за кувшином. Обычно он предпочитал бренди, поэтому пиво ему было что водичка. Так вот, он не волновался из-за того, кто он такой. Отец леди Сибиллы был порядочный человек, и дедушка тоже. Они никогда не теряли уверенности.

Они некоторое время шли по каштановой аллее, и наконец Ваймс мрачно произнес:

– Ты хочешь сказать, я не знаю, кто я такой?

Вилликинс поднял глаза и задумчиво ответил:

– Похоже, в этом году будет много каштанов, командор, и, с вашего позволения, я посоветовал бы привезти сюда Юного Сэма, когда они созреют. В детстве я много лет был чемпионом по «крысиным каштанам», пока не выяснил, что на самом деле они растут на деревьях и не хлюпают, когда их давишь. А что касается вашего вопроса, – продолжал он, – я думаю, Сэму Ваймсу лучше всего, когда он уверен, что он Сэм Ваймс. Господи, как рано они в этом году завязались!

Аллея закончилась, и впереди простирался яблоневый сад.

– Яблоки на снегу, – вдруг произнес Вилликинс, когда Ваймс и Юный Сэм зашагали через дорогу, вздымая тучи белой пыли. Ваймсу показалось, что этим словам недостает логики, но Вилликинс, видимо, придавал саду очень большое значение.

– Мальчику понравится, – с энтузиазмом сказал он. – Я сам это видел, когда служил подручным. Мой взгляд на мир полностью изменился. У третьего графа, Безумного Джека Овнеца, был брат по имени Вулсторп, возможно посланный ему за грехи. Он был ученым, и его послали бы в университет учиться на волшебника, если бы старший граф не объявил, что лишит наследства при помощи топора любого из своих братьев, кто выберет профессию, предполагающую ношение платья. Тем не менее юный Вулсторп усердствовал в изучении натурфилософии, как и полагается джентльмену: он раскапывал подозрительные захоронения, какие попадались по соседству, наполнял ящик всевозможными редкими образцами и высушивал цветы, какие успевал найти, прежде чем они становились исчезающими. История гласит, что однажды в теплый летний день он задремал под яблоней и проснулся, когда ему на голову свалилось яблоко. Как выражается биограф, человек меньших способностей не увидел бы в этом ничего особенного, но Вулсторп предположил, что, поскольку яблоки и практически все остальное всегда падает на землю, мир в конце концов утратит равновесие, если только в природе нет противодействующей силы, которую еще не открыла натурфилософия. Он не теряя времени привел в сад одного из своих лакеев и приказал под страхом увольнения лежать под

деревом, пока на голову ему не упадет яблоко. Вероятность этого события увеличилась, когда Вулсторп приказал другому лакею что есть сил трясти дерево. Сам Вулсторп намеревался наблюдать за экспериментом со стороны. И вообразите его радость, когда яблоко неизбежно упало, и тут же второе яблоко сорвалось с дерева и стремительно полетело в небеса, подтвердив тем самым гипотезу, что поднявшееся должно упасть, а упавшее подняться. Тем самым обеспечивается равновесие вселенной. К сожалению, правило работает только с яблоками с одного этого дерева, сорта «малус эквилибрия». Говорят, кто-то открыл, что яблоки на верхушке наполнены газом и взлетают, когда яблоню трясут, чтобы рассеять семена на расстоянии. Удивительная штука природа. Страшно жаль, что на вкус они как собачье это самое, – добавил Вилликинс, когда Юный Сэм выплюнул кусок яблока. – По правде говоря, командор, я и двух пенсов не дам за большинство аристократов, которых мне доводилось видеть, особенно в большом городе, но кое-кто из старой деревенской знати и правда меняет мир к лучшему. Например, Турнепс Овнец, который произвел революцию в сельском хозяйстве...

– Я про него слышал, – перебил Ваймс. – Он, кажется, как-то связан с выращиванием корнеплодов? Именно так он и получил свое прозвище?

– Почти в точку, сэр, – сказал Вилликинс. – На самом деле он изобрел сеялку, что обеспечивало надежный урожай и помогало экономить посевное зерно. Но внешне бедняга был похож на клубень турнепса. Люди иногда бывают жестоки, сэр. А его брат, Резинка Овнец, изобрел не только резиновые сапоги, но и прорезиненную ткань, еще раньше гномов. Он очень интересовался резиной, как я слышал, но мир был бы скучным местом и притом весьма странным, будь мы все одинаковы, а особенно если бы мы все походили на Резинку Овнца. Сухие ноги и сухие плечи, сэр, – вот о чем молится каждый фермер. Как-то я подрабатывал на сборе капусты, сэр, погода была холодная, как благотворительный суп, и дождь лил так быстро, что дождинкам приходилось выстраиваться в очередь. Тогда я благословил память Резинки Овнца, ей-богу, даже если правда то, что говорят про юных девиц, хотя, по слухам, им вообще-то очень нравилось...

– Ну ладно, – сказал Ваймс. – Но это не оправдание для глупых, напыщенных...

На сей раз Вилликинс перебил хозяина:

– Ну и, разумеется, летающая машина. Покойный брат ее светлости вложил в нее столько сил, но она так и не оторвалась от земли. Он мечтал летать без метлы и заклинаний, но, к сожалению, умер во время эпидемии кризиса, бедолага. Кстати говоря, модель аппарата стоит в детской. Она работает на резиновых лентах.

– Наверное, этого добра здесь полно, если только Резинка Овнец не прибрал за собой, – заметил Ваймс.

Прогулка продолжалась по лугам, на которых паслись коровы (насколько мог судить Ваймс), вдоль полей, где росла пшеница. Они осторожно обошли ха-ха, на почтительном расстоянии миновали хо-хо и не обратили никакого внимания на хе-хе, затем поднялись по узкой тропке на холм, на котором росла буковая рощица и с которого открывался вид на много миль вокруг, до самого горизонта (если бы не буки). Ваймс разглядел даже облако дыма и испарений, поднимавшееся над Анк-Морпорком.

– Это Холм Висельника, – сказал Вилликинс, пока Ваймс переводил. – И, полагаю, нам незачем идти дальше, – добавил он, когда они приблизились к вершине, – если только вы не намерены объяснять молодому человеку, что такое виселица.

Ваймс вопросительно уставился на слугу.

– Она правда там есть?

– Ну, как я уже сказал, это Холм Висельника. Как вы думаете, сэр, почему его так назвали? Черный Джек Рэмкин совершил прискорбную ошибку, когда в пьяном виде заключил огромное пари с одним из своих не менее пьяных собутыльников, что из своего поместья сможет разглядеть городской дым. Землемер, которого пригласили для проверки этой гипотезы,

объяснил, что холму недостает тридцати футов. Безуспешно попытавшись сначала подкупить землемера, а затем избить его конским хлыстом, Овнец созвал всех рабочих из своего поместья и соседних деревень и велел им надставить холм на тридцать футов. Весьма честолюбивое предприятие. Разумеется, оно обошлось Овнецу в целое состояние, зато у каждого семейства в округе, скорее всего, появилась теплая одежда на зиму и новые башмаки. Овнец прославился и, разумеется, выиграл пари.

Ваймс вздохнул.

– Отчего-то мне кажется, что я знаю ответ, но все-таки я спрошу: на что они спорили?

– На два галлона бренди, – торжествующе ответил Вилликинс, – которые он выпил лично, стоя на этом самом месте, под торжествующие возгласы рабочих, а затем, по легенде, скатился с холма вниз, к их пущему восторгу.

– Даже когда я пил, я и то вряд ли сумел бы уговорить два галлона бренди, – заметил Ваймс. – Это же двенадцать бутылок!

– Ну, под конец, наверное, большая часть утекла в штаны. Великих пьяниц тут хватало, даже...

– В штаны, – вмешался Юный Сэм и разразился хриплым смешком шестилетнего мальчишки, который решил, что услышал нечто двусмысленное. Судя по всему, у рабочих, которые подбадривали старого алкоголика, было сходное чувство юмора. Подбадривать человека, пропивающего их годовой заработок за один присест? Какой смысл?

Вилликинс, должно быть, прочел его мысли.

– Деревня грубее города, командор. Здесь любят всё большое и прямолинейное, а Черный Джек был, поверьте, большим и прямолинейным. Поэтому его и любили – потому что знали, чего от него ожидать, даже когда он сам этого не знал. Не сомневаюсь, они им хвастались по всей округе. Могу себе представить. «Да наш старый пьяница перепьет вашего старого пьяницу как нечего делать!» И они этим гордились. Наверное, вы думали, что поступаете правильно, когда здоровались за руку с садовником, но вы озадачили слуг. Теперь они не знают, что о вас думать. Вы хозяин или простолюдин? Шишка или человек из народа? Потому что, командор, с их точки зрения нельзя быть тем и другим. Это противно природе. А деревня не любит загадок.

– Большие загадочные штаны! – воскликнул Юный Сэм и упал на траву, покотившись со смеху.

– Я сам не знаю, что думать, – сказал Ваймс, поднимая мальчика и шагая вслед за Вилликинсом по склону холма. – Зато Сибилла знает. Она записала меня на всякие балы, вечера, ужины, разные там суарэфиксы, – закончил он тоном человека, который генетически запрограммирован не доверять никаким иностранным словам. – То есть все те штуки, с которыми я и в городе как-то смирился. Если будет совсем нестерпимо, я уж позабочусь, чтобы в середине вечера меня вызвали по неотложному делу – по крайней мере, раньше я всегда так делал, пока Сибилла не догадалась. Ужасно, когда подчиненные слушаются приказов твоей жены.

– Да, командор. На кухне леди Сибилла распорядилась, чтобы без ее недвусмысленного позволения сандвичей с беконом не готовили.

Ваймс поморщился.

– Ты ведь захватил наш джентльменский набор, правда?

– К сожалению, ее светлость про него знает, командор. Она запретила повару выдавать мне бекон, если только приказ не будет исходить непосредственно от нее.

– Честное слово, она не лучше Ветинари. Откуда Сибилла всегда всё знает?

– По правде сказать, командор, я сомневаюсь, что она знает ваши секреты. Она просто знает *вас*. Считайте это дружеским предупреждением. Однако пора идти, сэр. Я слышал, на ланч подадут салат с курицей.

– Я люблю салат с курицей?

– Да, командор, ее светлость сказала, что любите.

Ваймс сдался.

– Значит, люблю.

На Лепешечной улице Ваймс и Сибилла встречались один раз в день – на кухне, где было уютно и приятно. Они сидели друг напротив друга за столом, достаточно длинным, чтобы вместить огромную коллекцию бутылок с соусом, горшочков с горчицей, баночек с пикнулями и так далее. Ваймс разделял распространенное убеждение, что внутри любой емкости обязательно найдется еще чуть-чуть, если достаточно долго болтать ложкой.

В Холле царили иные порядки. Во-первых, здесь было слишком много еды. Но Ваймс не вчера – и не позавчера – родился, а потому удержался от комментариев.

Вилликинс прислуживал Ваймсу и леди Сибилле. Строго говоря, в поездках это не входило в его обязанности, но, говоря еще строже, большинство камердинеров не носят в кармане изящно скроенной куртки латунный кастет.

– Ну, мальчики, чем вы занимались сегодня утром? – весело спросила Сибилла, когда тарелки опустели.

– Мы видели какого-то вонючего и очень худого дядю, – сказал Юный Сэм. – Во-от такая борода! Очень вонючий. И мы нашли яблоню, только у нее яблоки на вкус как кашка.

Безмятежное выражение лица Сибиллы не изменилось.

– А потом вы спустились с холма, похожего на пудинг? А как насчет ха-ха, хо-хо и хе-хе?

– Да, и там везде коровьи кашки! Я в них наступил, – Юный Сэм ждал взрослого ответа, и мать сказала:

– Ну, у тебя есть новенькие сапожки, правда? Они для того и нужны, чтобы наступать в коровьи кашки.

Сэм Ваймс увидел, как личико сына просияло от невероятного восторга. Сибилла продолжала:

– Твой дедушка всегда говорил мне: если увидишь в поле большую кучу навоза, разбросай ее вокруг ровным слоем, чтобы трава росла хорошенько.

Она улыбнулась, увидев лицо Сэма.

– Это правда, дорогой. Навоз – основа сельского хозяйства.

– Лишь бы он понял, что не стоит пинать грязь в канавах, когда мы вернемся в город, – сказал Ваймс. – Кое-что там способно и сдачи дать.

– Мальчик должен знать, что такое жизнь в деревне. Пусть поймет, откуда берется еда и как мы ее получаем. Это очень важно, Сэм.

– Ну конечно, дорогая.

Леди Сибилла взглянула на Ваймса так, как умеют смотреть только жены.

– Таким тоном ты говоришь, когда считаешь, что тебе навязывают неприятную обязанность.

– Я просто не понимаю...

Сибилла перебила:

– Однажды Юный Сэм будет всем этим владеть, и я хочу, чтобы у него были некоторые представления о деревне. А еще я хочу, чтобы ты расслабился и наслаждался отпуском. Потом я свожу Юного Сэма на Домашнюю Ферму, чтобы показать ему, как доят коров и собирают яйца.

Она встала.

– Но сначала я отведу его вниз, в склеп, чтобы мальчик посмотрел на своих предков, – Сибилла заметила выражение ужаса на лице мужа и поспешно добавила: – Не волнуйся, Сэм, они лежат спокойно. Более того, в очень дорогих гробницах. Может быть, сходишь с нами?

Сэм Ваймс был близко знаком со смертью. Впрочем, самоубийства вгоняли его в уныние. В Анк-Морпорке в основном вешались: самоубийца должен был отличаться чрезвычайной решительностью, чтобы прыгнуть в реку Анк – в том числе потому, что тело отскакивало несколько раз от поверхности, прежде чем проломить корку. Все самоубийства приходилось расследовать на тот случай, если это вдруг было замаскированное преступление⁹. В то время как мистер Трупер, городской палач, мог отправить человека на тот свет так быстро и гладко, что жертва почти ничего не замечала, Ваймсу слишком часто доводилось видеть, что способны натворить дилетанты.

Семейный склеп Овнецов напомнил ему городской морг после закрытия. Он был переполнен; некоторые гробы стояли боком, как на полках в покойницкой, и оставалось лишь надеяться, что они не свалятся. Ваймс подозрительно наблюдал, как жена водила Юного Сэма от таблички к табличке, читая имена и коротко рассказывая о каждом, и ощущал вокруг холодную, бездонную глубину времени. Холодом дышали сами стены. Каково Юному Сэму знать имена своих прабабушек и прадедушек, живших во тьме веков? Ваймс никогда не знал своего отца. Мать сказала, что старика задавила на улице телега, но Ваймс подозревал, что это была повозка пивовара, которая «переезжала» его много лет подряд. Конечно, был еще Старина Камнелиц, ныне реабилитированный тираноубийца, и его статую в городе никогда не украшали хулиганские надписи, поскольку Ваймс недвусмысленно дал понять, что сделает с посягателем.

Но Старина Камнелиц был просто точкой в истории, чем-то вроде правдивой легенды. Он не имел никакого отношения к Сэму Ваймсу. Их разделяла зияющая бездна.

И все-таки Юный Сэм однажды станет герцогом, и об этом стоило подумать. Он не будет гадать, кто он такой, он будет просто *знать*, и влияние Сибиллы перевесит все проблемы, которые могут возникнуть у того, чей отец – Сэмюэль Ваймс. Юный Сэм еще задаст миру встряску. Для этого нужна уверенность в себе; а пачка занятых, хоть и сдвинутых по фазе, предков, способна впечатлить простого человека. Да и непростого тоже.

Вилликинс слегка покривил душой. Горожанам тоже нравились оригинальные личности, особенно настоящие злодеи, ну или просто достаточно интересные люди, способные внести свою лепту в нескончаемое безумное представление, которое являла собой уличная жизнь Анк-Морпорка. Если у тебя отец пьяница – считай, что тебе не повезло; зато иметь прапрапрадедушку, который мог выпить столько бренди, что моча горела, а потом, если верить Вилликинсу, возвращался домой, чтобы отужинать рыбой и жареным гусем, заливал все это соответствующим количеством вина и до рассвета играл с приятелями в «свинку под седлом»¹⁰, чтобы взять реванш за вчерашнее... Многим нравятся такие штуки и такие люди – люди, которые дают жизни пинка под зад и орут: «А ну, пошевеливайся!» Таким предком можно гордиться, правда?

– Кажется... я хочу прогуляться один, – сказал Ваймс. – Оглядеться, побродить там и сям, исследовать деревенскую жизнь в своем темпе.

– Вилликинс составит тебе компанию, дорогой, – произнесла леди Сибилла. – На всякий случай.

– На какой случай, дорогая? Я каждую ночь хожу по городским улицам. Вряд ли мне нужна дуэнья для прогулки по сельской местности! Я пытаюсь проникнуться здешним духом. Буду смотреть на нарциссы – вдруг они наполнят меня радостью, ну или что там им положено делать. Я постараюсь не пропустить какую-нибудь редкую зарянку или поганку. Может быть,

⁹ Неоднократно стражники находили предсмертные записки и после внимательного изучения обнаруживали, что написаны они не тем почерком.

¹⁰ «Свинку под седлом» изобрел в год Горностая преподобный Джозеф Робинзон по прозвищу Детерминизм, настоятель церкви Всех Святых и Трех Грешников в приходе Нижний Свес. Насколько можно судить по записям, оставленным современниками, игра представляла собой сочетание бирюлек, поддавков и бренди. Не сохранилось никаких правил – да, скорее всего, их и вовсе не было.

я увижу, как кроты пускаются в полет. Я несколько недель читал в газете заметки о природе! Казалось бы, я умею гулять в одиночестве! Командора Стражи не напугает пятнистая мухоловка!

Госпожа Сибилла по опыту знала, когда не стоит спорить. Она сказала лишь:

– По крайней мере, никого не обижай, дорогой, хорошо?

Через десять минут Ваймс заблудился. Не физически, а метафорически, духовно и философски. Аромат цветущих изгородей был каким-то блеклым по сравнению с ядреными городскими запахами, и Ваймс не имел ни малейшего понятия, что такое шуршит в зарослях. Он распознал телок и бычков, потому что часто навещал район скотобоен, но здешние телки и бычки не были охвачены ужасом. Они внимательно смотрели на него, когда он проходил мимо, словно делали мысленные пометки. Да-да! Мир перевернулся вверх дном. Ваймс был стражником, он всегда был стражником – и рассчитывал стражником умереть. Нельзя перестать быть стражником; поэтому он перемещался по городу более или менее незаметно. Его видели разве что те, чьей профессией было замечать стражников, и чья жизнь зависела от того, чтобы заметить стражника первым. По большей части, Ваймс сливался с окружающим пейзажем, пока крик, звон разбитого стекла или звук зловещных шагов не возвращал его к реальности.

Но тут *всё* наблюдало за ним. Кто-то спешно удирал, испуганно улетал и подозрительно шуршал в кустах. Ваймс был чужаком, нарушителем, незванным гостем.

Он миновал очередной поворот и обнаружил деревню. Трубы в отдалении он видел уже давно, но тропы и дорожки самым замысловатым образом виляли среди разросшихся изгородей и рощ, превратившихся в тенистые туннели (что было весьма приятно), и его чувство направления пошло ко всем чертям (что было весьма досадно).

Ваймс совершенно перестал понимать, где находится, он был покрыт потом и раздражен, когда вышел на длинную пыльную улицу, по обе стороны которой стояли дома под соломенными крышами, а в середине возвышалось массивное строение, буквально гласившее «паб». Окончательным доказательством тому служили трое стариков, которые сидели на скамье возле двери и рассматривали подходившего Ваймса в надежде, что он из тех, кто охотно угощает ближнего пивом. Одежда на них как будто была гвоздями приколочена. Когда Ваймс подошел ближе, один старик что-то сказал своим приятелям, они встали и коснулись указательными пальцами шляп. Один произнес: «Погодка-то, вашшслость». У Ваймса ушло несколько секунд, чтобы истолковать эту фразу. Старики слегка, но весьма многозначительно наклонили свои пустые кружки, намекая, что они действительно пусты и это ошибка, требующая исправления.

Ваймс знал, чего от него ждут. В Анк-Морпорке не было паба, рядом с которым не грелись бы на солнышке точно такие же стариканы, неизменно готовые поболтать с прохожими о добрых старых временах, то есть о тех временах, когда кружки у них в руках еще были полны. Обычай требовал, чтобы ты наполнил их дешевым элем и услышал в ответ: «Большое спасибо, добрый сэр», ну и, возможно, еще кое-что – кто где был, что делал, когда и с кем. Очень ценная для копа информация.

Но выражение лиц этих троих стариков изменилось, когда один из них что-то живо зашептал приятелям. Они уселись обратно на деревянную скамью и словно попытались сделать как можно неприметнее, продолжая сжимать в руках пустые кружки – на всякий случай.

Вывеска над дверью гласила «Голова гоблина».

Напротив паба находилось обширное открытое пространство, заросшее травой. Там паслись несколько овец, а в дальнем конце огромной грудой лежали плетеные ивовые загородки, назначение которых Ваймс не мог угадать. Впрочем, он знал, что такое «деревенский выгон», хотя никогда его не видел: в Анк-Морпорке таких не было.

В пабе пахло старым пивом, и это положило конец искушению, хотя Ваймс не пил уже давным-давно и время от времени позволял себе разве что бокальчик хереса на каком-нибудь

светском мероприятии, потому что в любом случае терпеть его не мог. Запах несвежего пива возымел на него тот же эффект. В жалком свете крохотных окошек Ваймс разглядел старика, деловито драившего кружку. Тот взглянул на Ваймса и кивнул. Это был универсальный кивок, который везде и всюду означал: «Ты видишь меня, я вижу тебя, решай сам, что будет дальше», хотя некоторые трактирщики дополнительно способны намекнуть, что под стойкой лежит двухфутовый кусок свинцовый трубы – на тот случай, если противная сторона намерена учинить скандал.

Ваймс спросил:

– У вас есть что-нибудь безалкогольное?

Бармен осторожно повесил кружку на крюк над стойкой, пристально взглянул на Ваймса и беззлобно ответил:

– Понимаете ли, сэр, это ж так называемый паб. Люди рассердятся, если я перестану подавать спиртное. – Он побарабанил пальцами по стойке и неуверенно добавил: – Если угодно, моя жена варит пиво из корнеплодов.

– Из каких? – уточнил Ваймс.

– Из свеклы, сэр. Помогает, если заперло.

– Если заперло, помогает лом, – заметил Ваймс. – Дайте пинту... нет, пожалуй, полпинты.

Ответом опять был кивок. Трактирщик ненадолго удалился и вернулся с огромным стаканом, полным красной пены.

– Держите, – сказал он, осторожно ставя его на стойку. – В оловянные не наливаем, потому что металл коробится. За счет заведения, сэр. Меня зовут Джимины, я хозяин «Головы гоблина». Кстати говоря, я все ваше семейство знаю. Моя дочь служит в Холле, ну а я обращаюсь со всеми одинаково, потому как трактирщик – друг любого человека, у которого есть в кармане деньги, а если на него такой стих найдет, так он нальет даже тому, кто временно оказался на мели – те трое олухов снаружи не в счет. Трактирщик каждого видел после пары пинт, поэтому все для него равны.

Джимини подмигнул Ваймсу, который протянул руку и сказал:

– Я охотно пожму руку республиканцу.

Ваймсу уже доводилось слышать эту нелепую тираду. Каждый, кто стоял за стойкой, считал себя одним из величайших мировых мыслителей, и разумнее всего было им подыгрывать. После рукопожатия он добавил:

– Сок отличный. Пряная штука.

– Да, сэр, моя жена кладет в него перец чили и семена сельдерея, чтоб казалось, будто пьешь что-то серьезное.

Ваймс облокотился на стойку, чувствуя необъяснимое умиротворение. Стена над стойкой была увешана головами убитых животных, преимущественно с рогами и клыками. Он испытал некоторый шок, заметив в тусклом свете голову гоблина. «Я в отпуске, – подумал Ваймс. – И потом, его наверняка убили давным-давно». И Ваймс больше не стал об этом задумываться.

Мистер Джимины погрузился в десятки мелких дел, которые всегда найдутся для трактирщика, время от времени поглядывая на своего единственного клиента. Ваймс ненадолго задумался и произнес:

– Не вынесете ли вы пива тем джентльменам снаружи, мистер Джимины? И подлейте в каждую кружку бренди, чтоб чувствовалось.

– Их звать Длинный Том, Короткий Том и Том Том, – сказал Джимины, доставая кружки. – Приличные парни – тройняшки, между прочим. Сами зарабатывают себе на хлеб, но, честно говоря, мозги у них одни на троих, да и те так себе. Хотя, конечно, ворон они распугивают здорово.

– И всех зовут Том? – уточнил Ваймс.

– Да. Это вроде как, понимаете ли, семейное имя, и их папашу тоже звали Том. Может, чтоб не путаться – им, беднягам, запутаться недолго. Сейчас, конечно, они постарели, но если задать им работенку по силам, всё сделают как положено и не бросят, покуда сам не велишь. В деревне попрошаек не водится, сэр. Всегда полно мелких дел, на которые рук не хватает. С вашего позволения, сэр, много бренди я им подливать не буду, а то запутаются так, что не встанут.

Трактирщик поставил кружки на поднос и исчез за дверью. Ваймс быстро зашел за стойку и тут же вышел. Несколько секунд спустя, когда в открытую дверь заглянули три физиономии, он уже беззаботно облакачивался на стол. С некоторым опасением старики показали три оттопыренных больших пальца и вновь скрылись из виду – вероятно, на тот случай, если странный гость вдруг взорвется или отрастит рога.

Джимини вернулся с пустым подносом и ободрительно улыбнулся.

– Ну, вы тут завели себе друзей, сэр, но не смею больше вас задерживать. Вам наверняка есть чем заняться.

«Стражник, – подумал Ваймс. – Полицейскую дубинку я узнаю с первого взгляда. Это ведь мечта стражника, не так ли? Оставить службу и открыть где-нибудь маленький паб. Поскольку ты стражник, а перестать быть стражником нельзя, ты всегда будешь в курсе событий. Ты всех знаешь, и никто этого не создает. Неплохой результат. Подождите немножко, мистер Джимини. Я знаю, где вас найти».

И тут Ваймс услышал в отдалении тяжелые и медленные шаги. Они приближались. Он увидел местных жителей – они сходились к трактиру в рабочей одежде, держа в руках предметы, которые большинство людей называли бы сельскохозяйственными инструментами, а Ваймс – наступательным оружием. Толпа собралась за дверью, и он услышал шепот. Три Тома, судя по всему, делились новостями, и их, судя по всему, выслушивали недоверчиво и насмешливо. Наконец новоприбывшие пришли к какому-то заключению, причем явно не положительному.

Они ввалились в трактир, и мозг Ваймса заработал как часовой механизм. Экспонат номер один – старик с длинной белой бородой и, о боги, в блузе. Неужели здесь действительно до сих пор носят блузы? Как бы его ни звали на самом деле, для остальных, скорее всего, он был «дедулей». Старик смущенно коснулся указательным пальцем шляпы в знак приветствия и, покончив с неприятной обязанностью, зашагал к стойке. Он нес большой крюк угрожающего вида. Экспонат номер два держал лопату, которая вполне могла послужить топором или дубиной, если знать, что делать. Он тоже был в блузе – и сдержанно помахал в знак приветствия, пряча глаза. Экспонат номер три, с ящиком инструментов (ужасное оружие, если как следует размахнуться), поспешно шмыгнул мимо, едва взглянув в сторону Ваймса. На вид он был молод и худосочен, но, тем не менее, такой ящик способен развить неплохую скорость. Следом показался еще один старик, в кузнецком фартуке, но неподходящего сложения, и Ваймс догадался, что это коновал. Да, разумеется, приземистому и жилистому проще залезть под лошадь. Этот тип довольно четко отсалютовал, и Ваймс не заметил под фартуком никаких подозрительных бугров. Он ничего не мог с собой поделать; он всегда себя так вел на работе. Даже если ты не ожидаешь беды, ты... ожидаешь беду.

И тут трактир застыл.

За стойкой шел какой-то бессвязный разговор, но он прекратился, как только вошел *настоящий* кузнец. Черт возьми. Все тревожные звонки в душе Ваймса затрезвонили одновременно и оглушительно, слившись в набат. Мрачно окинув взглядом трактир, кузнец зашагал к стойке по прямой – он должен был пройти совсем рядом с Сэмом Ваймсом, по нему или даже сквозь него. В любом случае Ваймс осторожно отодвинул свою кружку подальше, и неприкрытая попытка «случайно» опрокинуть ее не удалась.

– Мистер Джимини, – сказал Ваймс, – я угощаю всех джентльменов выпивкой, слышите?

Новопришедшие встретили эти слова одобрительными возгласами, но кузнец хлопнул ладонью, похожей на лопату, по стойке, так что стаканы подпрыгнули.

– Я не намерен пить с теми, кто жмет сок из бедняков!

Ваймс выдержал его взгляд и ответил:

– Извини, соковыжималку я сегодня с собой не захватил.

Это было глупо, потому что негромкое хихиканье заинтересованных посетителей бара раздуло пламя, которое кузнец по небрежению забыл затушить, и громила немедля вспыхнул.

– Кто ты такой, чтоб считать себя лучше, чем я?

Ваймс пожал плечами.

– Сомневаюсь, что я лучше, чем ты.

Он подумал: «Ты, первый парень на деревне, смотришь на меня и думаешь, что ты крут, потому что ты сильный и никто не подкрадется сзади и не даст тебе по шарам. Боги мои, да ты даже не умеешь правильно стоять. Капрал Шноббс и тот свалил бы тебя с ног и приложил пинком по шарам, прежде чем ты бы понял, что случилось».

Как всякий человек, который боится, что сейчас разобьется что-нибудь ценное, Джимини поспешно выскочил из-за стойки и схватил кузнеца за руку, воскликнув:

– Перестань, Джетро, давай без неприятностей. Его светлость просто зашел выпить, как всякий другой, он имеет право...

И это сработало, хотя лицо Джетро так и дышало агрессией. Ею был густо насыщен сам воздух вокруг. Судя по лицам присутствующих, к подобным демонстрациям силы они привыкли. Плох тот стражник, который не умеет читать толпу в пабе, а Ваймс мог даже написать историю с примечаниями. В каждой компании есть свой подстрекатель, свой безумец, свой политик-самоучка. Обычно их терпят, потому что они добавляют огоньку; соседи говорят: «Ну, он всегда такой», и облака расходятся, а жизнь продолжается. Но Джетро, сидевший в дальнем углу бара над кружкой, как лев над убитой газелью... Джетро, как подсказывал Ваймсу опыт, был готов вот-вот взорваться. Разумеется, миру иногда нужны взрывы, но лучше бы они случались не там, где пил Ваймс.

Он чувствовал, что паб наполняется, преимущественно трудовыми пчелами, но также и людьми, которые ожидали, что к ним будут обращаться «сэр». Они носили цветные шапочки и белые брюки и непрерывно говорили. Снаружи тоже кипела жизнь – там теснились лошади и повозки. Где-то стучал молоток, и жена Джимини теперь стояла за стойкой, пока ее муж бегал туда-сюда с подносом. Джетро сидел в углу, как человек, который поджидает удобный момент, и иногда сверлил Ваймса яростным взглядом, в котором читались ножи, кулаки и сапоги.

Ваймс решил выглянуть в грязное окно трактира. К сожалению, паб был ужасный, так называемый старинный, а значит, окна в нем состояли из крохотных круглых стеклышек в свинцовом переплете. Они предназначались не для того, чтобы в них смотреть, а для того, чтобы пропускать внутрь свет – и пропускали они его столь избирательно, что лучи буквально ломались пополам. За одним окном виднелась, предположительно, овца, больше похожая на белого кита, а когда она двигалась, то превращалась в гриб. Мимо прошел человек без головы, но затем он отразился в соседнем стеклышке, и оказалось, что у него один огромный глаз. Юному Сэму очень бы понравилось, но Ваймс решил не рисковать зрением и вышел на двор.

«Ага, – подумал Ваймс, – какая-то игра».

Ладно.

Ваймс не особенно любил игры, потому что они собирали толпу, а толпа создавала работу для стражников. Но здесь-то он ведь не был стражником, правда? С этим странным ощущением Ваймс вышел из паба и стал обыкновенным зрителем. Он не припоминал, чтобы когда-либо им был. Он почувствовал себя... беззащитным.

Ваймс подошел к ближайшему человеку, который вбивал в землю колышки, и спросил:

– Что здесь такое происходит?

Сообразив, что говорит он как стражник, а не как обычный человек, он быстро добавил: – Э... расскажите, пожалуйста.

Мужчина выпрямился. На нем тоже была разноцветная шапочка.

– Вы никогда не видели, как играют в крюкет, сэр? Да это же лучшая на свете игра!

Ваймс-в-отпуске изо всех сил постарался сделать вид, что его интересует продолжение. Судя по полной энтузиазма улыбке собеседника, тот намеревался изложить ему правила крюкета, желал он того или нет. «Что ж, – подумал Ваймс, – я ведь сам спросил».

– С первого взгляда, сэр, крюкет может показаться очередной игрой в мяч, где две команды борются друг с другом, пытаясь загнать мяч рукой, палкой или другим предметом в ворота противника. Но крюкет изобрели во время крокетного матча в теологическом колледже Святого Онана, в Хэме-на-Ржи, когда молодой священник Джексон Дрост, ныне епископ Щеботанский, взял свой молоток обеими руками и, вместо того чтобы легонько стукнуть по мячу...

Тут Ваймс сдался – во-первых, правила игры были сами по себе совершенно невразумительны, а во-вторых, молодой человек, исполненный крайнего энтузиазма, позволил энтузиазму взять верх над разумной необходимостью говорить по порядку. Поэтому поток информации периодически прерывали виноватые комментарии типа «ой, извините, нужно было сначала объяснить вам, что второй конус допускается не чаще одного раза за партию, и при нормальном течении игры бывает только один бугор, если только, конечно, речь не о королевском крюкете»...

Ваймс умер. Солнце упало с небес, гигантские ящерицы завладели миром, звезды взрывались и гасли, вся надежда с бульканьем исчезала в сточном отверстии забвения, газ наполнял поднебесье и взрывался, и возникали новые небеса, с одним заботливым обитателем, и новый диск, и было это хорошо воистину, и жизнь выползала из морей – или не выползала, потому что ее творили боги, это как вам угодно – и ящерицы теряли роговые пластины, ну, или не теряли, и превращались в птиц, а черви в бабочек, а яблоки в бананы, и какая-нибудь обезьяна вдруг падала с дерева и понимала, что гораздо лучше жить, не цепляясь хвостом, и всего лишь через несколько миллионов лет она придумала брюки, полосатые шапочки и, наконец, игру в крюкет, и вот, магически перевоплотившись, появился Ваймс. Чувствуя, как кружится голова, он стоял на деревенском выгоне и смотрел на улыбчивое лицо местного энтузиаста.

Он с трудом выговорил:

– Э... это потрясающе, спасибо большое, я жду не дождусь начала игры.

И подумал: сейчас хорошо бы поскорее пойти домой... но тут прискорбно знакомый голос за спиной окликнул:

– Эй, ты! Я сказал – ты, да, ты! Ваймс!

Это был лорд Ржав из Анк-Морпорка, яростный старый вояка. Без его уникальной стратегии и тактики несколько недавних войн не удалось бы выиграть со столь кровопролитным результатом. Теперь лорд Ржав сидел в патентованном кресле на колесах. Кресло толкал парень, чью жизнь его светлость наверняка превращал в сплошные страдания.

Но у ненависти обычно короткая жизнь, и в последнее время Ваймс смотрел на этого человека просто как на титулованного идиота, который с годами стал совсем беспомощным, хоть и по-прежнему обладал пренеприятнейшим голосом, похожим на лошадиное ржание. Этим голосом можно было валить деревья вместо пилы. Лорд Ржав больше не представлял проблемы. Скорее всего, оставалось подождать несколько лет, чтобы он навеки заржавел в бозе. И где-то в глубине своего неласкового сердца Ваймс по-прежнему испытывал легкое восхищение этим сварливым мясником, с его неувыдаемыми амбициями и абсолютной решимостью ни за что и ни в чем не уступать. В ответ на то, что Ваймс, ненавистный стражник, стал герцогом, а следовательно, еще большей шишкой, чем он, Ржав, старик попросту сделал вид, что такого никоим образом не может быть, и неизменно игнорировал этот факт. С точки зре-

ния Ваймса, лорд Ржав был опасным недоумком, но в том-то и заключалась проблема – он обладал невероятной, хоть и самоубийственной отвагой. Ничего страшного, если бы не гибель несчастных идиотов, которые следовали за ним в бой.

Очевидцы утверждали, что совершалось чудо: лорд Ржав стремился к черту в пасть во главе своего отряда и никогда не отступал, но стрелы и моргенштерны всякий раз миновали его, хотя, к сожалению, разили тех, кто шел следом. Случайные зрители – точнее, люди, наблюдавшие за битвой из удобного укрытия позади больших камней, – клялись, что именно так оно и было. Возможно, Ржав точно так же игнорировал и летевшие в него стрелы. Но возраст так просто сбросить со счетов нельзя, и старик заметно приуныл, хоть и не утратил прежнего высокомерия.

Ржав, что было весьма необычно, улыбнулся Ваймсу и сказал:

- Первый раз вижу тебя здесь. Сибиллу потянуло вернуться к корням, что.
- Она хочет, чтобы Юный Сэм пошлепал по грязи, Ржав.
- Сибилла умница, что. Мальчику это пойдет на пользу и сделает из него мужчину, что.

Ваймс никогда не мог понять, для чего нужно это взрывчатое «что». Зачем повторять его без какой-либо очевидной причины? Для чего это нужно? «Что» – что? Десятки «что» напоминали колышки, вбиваемые в разговор, но, черт возьми, что они давали, *что*?

- Значит, ты здесь не по официальному делу, что?

Мысли Ваймса неслись так быстро, что Ржав, возможно, расслышал гудение шестеренок. Ваймс проанализировал интонацию, вид собеседника, легчайший, едва ощутимый проблеск надежды, что ответ все-таки будет отрицательным, и пришел к выводу, что, вероятно, бросить котенка в стаю голубей – это неплохая идея.

Он рассмеялся.

– Знаешь, Ржав, Сибилла твердила о поездке в деревню с тех пор, как родился Юный Сэм, и в этом году она настояла на своем, а распоряжение жены, сам понимаешь, сродни официальному приказу, где.

Ваймс увидел, как парень, толкавший огромное кресло, попытался скрыть улыбку, особенно когда Ржав озадаченно откликнулся: «Что?»

Ваймс решил не отвечать «куда». Вместо этого он фамильярно произнес:

– Сам знаешь, как бывает, Ржав. Полицейский повсюду отыщет преступление, если только хорошенько поищет.

Улыбка не сошла с лица лорда Ржава – она лишь стала похлеще, когда тот ответил:

– Я бы послушал совета твоей умницы-супруги, Ваймс. Сомневаюсь, что здесь ты найдешь что-нибудь достойное твоего темперамента.

Заключительного «что» не последовало, и это, на свой лад, было весьма красноречиво.

Ваймс не раз убеждался, какая это хорошая идея – занять глупую часть мозга хоть чем-нибудь, чтобы она не мешала умной выполнять важную работу. Поэтому он целых полчаса смотрел первый в своей жизни крюкетный матч, прежде чем внутренний будильник известил его, что нужно возвращаться в Холл, чтобы почитать Юному Сэму – и, если повезет, какашки будут упоминаться не на каждой странице, – а потом подоткнуть сынишке одеяло и пойти ужинать.

Сибилла отметила пунктуальность супруга одобрительным кивком и смущенно протянула новую книгу, которую предстояло читать Юному Сэму.

Ваймс посмотрел на обложку. Книга называлась «Мир какашек». Когда жена удалилась за пределы видимости, он осторожно полистал. Что ж, нужно было признать, что жизнь шагала вперед семимильными шагами, и в современных сказках, как правило, не действовали блестящие маленькие существа с крылышками. Переворачивая страницу за страницей, Ваймс убедился, что автор, несомненно, знал, как рассмешить до упаду ребенка вроде Юного Сэма.

Читая о путешествии по реке, чуть было не улыбнулся сам Ваймс! Но вперемешку с темой какашек книга повествовала о действительно интересных вещах – о канализации, золотарях, удобрениях, о том, как с помощью собачьего дерьма выделяют кожу, и о других вещах, которые, казалось бы, незачем знать, но они намертво запечатлеваются в мозгу, стоит разок о них услышать.

Эту книжку написал автор «Пипи» – и если бы Юный Сэм мог проголосовать за лучшую книгу на свете, он отдал бы свой голос за «Пипи». Его энтузиазм, возможно, подкреплялся тем, что редкий бес озорства заставлял Ваймса издавать все необходимые звуки.

За ужином Сибилла стала расспрашивать, как он провел день. Особенно она заинтересовалась, когда Ваймс упомянул, что видел крюкет.

– О, так в него до сих пор играют? Какая прелесть! Ну и как это было?

Ваймс отложил нож и вилку и несколько секунд задумчиво смотрел в потолок, после чего сказал:

– Ну, некоторое время я беседовал с лордом Ржавом, и мне, конечно, пришлось уйти раньше, чтобы успеть домой, но удача благоволила священникам, и их подающий окучил парочку фермеров, ловко орудуя корзинкой. Несколько раз обращались к шляперу, потому что он в процессе сломал свой молоток, и, на мой взгляд, он принял абсолютно справедливое решение, особенно ввиду того, что фермеры разыграли маневр ястреба. – Он сделал глубокий вдох. – Когда игра возобновилась, фермеры продолжали медлить, хоть им и удалось немного перевести дух, когда на поле забрела овца, и священники, решив, что это наверняка положит игре конец, слишком рано расслабились. Тогда Хиггинс Джей запустил превосходную пилу прямо под брюхо нечестивой скотине...

Сибилла наконец остановила мужа, заметив, что еда совсем остыла. Она воскликнула:

– Сэм! Когда это ты стал знатоком благородной игры в крюкет?

Ваймс взял вилку и нож.

– Пожалуйста, не спрашивай, – он вздохнул. В его голове тем временем внутренний голос повторял: «Лорд Ржав сказал, что здесь нет ничего для меня интересного. Ох, боги, значит, надо выяснить, что здесь творится».

Он откашлялся и сказал:

– Сибилла, ты заглядывала в книгу, которую я читаю Юному Сэму?

– Да, дорогой. Фелисити Бидл – самый знаменитый детский писатель в мире. Она уже много лет пишет для детей. Она написала «Мелвин и огромный волдырь», «Джефри и волшебная наволочка», «Утенок, который считал себя слоном»...

– Это она написала книжку про слона, который считал себя утенком?

– Нет, Сэм, не говори глупостей. Еще она написала «Дафна и ковыряльщики в носу», а «Гастон и его огромная проблема» получила премию Глэдис Г. Дж. Фергюсон – в пятый раз! Мисс Бидл прививает детям интерес к чтению, понимаешь?

– Да, – признал Ваймс, – но они читают про какашки и спятивших утят!

– Сэм, это вполне естественно, поэтому не будь ханжой. Юный Сэм теперь деревенский парнишка, и я очень им горжусь, и он любит читать. В том-то и смысл! А еще мисс Бидл учредила стипендию для Щеботанского колледжа юных девиц. Она сейчас очень богата, и я слышала, что она купила Яблоневый коттедж – его видно из нашего окна, он стоит на склоне холма. Мне кажется – если ты, конечно, не возражаешь, – что стоило бы пригласить ее в Холл.

– Конечно, – ответил Ваймс, хотя не возражал он исключительно потому, что его жена обладала особой манерой задавать вопросы. Некоторые нюансы дали ему понять, что визит мисс Бидл – это вопрос решенный.

Ночью Ваймс спал намного лучше, отчасти потому, что чувствовал, что где-то поблизости есть загадка, ожидающая ответа. У него уже буквально руки чесались.

Утром, как и было обещано, Ваймс повел Юного Сэма кататься верхом. Ваймс умел ездить, но ненавидел это занятие. Тем не менее искусству падать вниз головой со спины пони должен научиться любой мальчик, даже если в результате он решит никогда больше этого не делать.

Остаток дня, впрочем, прошел менее приятно. Ваймса, переполненного наихудшими опасениями, не только в переносном, но и почти в буквальном смысле, потащили навестить подругу Сибиллы, ту самую даму, благословленную шестью дочерьми. На самом деле в обитой ситцем гостиной, куда провели Ваймса и Сибиллу, сидели лишь пять. Его торжественно приветствовали как «нашего дорогого отважного командора Ваймса» – он терпеть не мог всю эту чушь, но под внимательным, хоть и кротким взглядом Сибиллы у него хватило ума ничего не говорить, по крайней мере не в таких выражениях. Ваймс улыбался и терпел, пока они порхали вокруг, как огромные мотыльки, безостановочно предлагая кексов и чая. Он бы не возражал, если бы чай не напоминал внешне и по вкусу то, во что обычно чай превращается, когда его выпьют. Сэм Ваймс любил чай, но не в том случае, если дно кружки сквозь него можно было разглядеть прежде конца чаепития.

Еще хуже предлагаемого угощения был разговор, который крутился вокруг шляпок – сферы, в которой невежество Ваймса было не просто всеобъемлющим, но и священно хранимым. И потом, бриджи ему натирали. Уродское барахло! Но Сибилла настояла, сказав, что в них он выглядит очень изящно, точь-в-точь провинциальный джентльмен. Ваймс сделал вывод, что провинциальные джентльмены иначе сложены в области мошонки.

Помимо его самого и леди Сибиллы, в гостиной присутствовал молодой омнианский священник, предусмотрительно одетый в просторную черную хламиду, которая, самоочевидно, не натирала между ног. Ваймс понятия не имел, что здесь делает этот молодой человек, но, видимо, в отсутствие иных жертв юным леди нужно было пичкать кого-то слабым чаем с подозрительными булочками и донимать бессмысленным щебетанием. Когда шляпки утратили прелесть новизны, единственными доступными темами разговора остались наследство и перспективы предстоящих балов. И, разумеется, неумение вращаться в дамском обществе, растущая неприязнь к чаю цвета мочи и светская беседа без малейшего проблеска интеллекта привели к тому, что Ваймс не удержался от вопроса:

– Извините за вопрос, дамы, но чем вы занимаетесь... я имею в виду, вообще? Если по настоящему?

На него с искренним непониманием воззрились десять глаз. Дочери леди Ариадны совершенно не отличались одна от другой, за исключением Эмили, которая, что называется, застревала в памяти (как и в дверях). Слегка озадаченно Эмили произнесла:

– Прошу прощения, командор, но, боюсь, мы не понимаем, о чем вы изволили спросить.

– Я имел в виду... э... чем вы зарабатываете на жизнь? Кто-нибудь из вас получает жалованье? Как вы добываете хлеб насущный? У вас есть профессия? – Ваймс не знал, о чем думает Сибилла, поскольку не видел ее лицо, зато Ариадна смотрела на него с радостным удивлением. Ну, раз уж все равно выволочки не избежать, то почему бы не пойти до конца?

– Короче говоря, дамы, – продолжал Ваймс, – на что вы живете? Как окупаете свои расходы? Не считая шляпок, вы что-нибудь еще умеете? Готовить, например?

Другая дочь, возможно Мэвис, хотя Ваймс и не был в этом уверен, кашлянула и ответила:

– К счастью, командор, у нас есть прислуга. Мы – леди. И совершенно, совершенно немисливо, чтобы мы занялись каким-либо ремеслом или торговлей. Какой скандал! Так просто не бывает.

Казалось, они принялись соревноваться, кто кого первым поставит в тупик. Наконец Ваймсу это удалось:

– Разве ваша сестра не занимается заготовкой лесоматериалов?

Он подумал: удивительно, что ни Ариадна, ни Сибилла до сих пор не участвовали в разговоре. Но тут очередная сестра (возможно, Аманда) решила внести свою лепту. И почему, о боги, все они носили какие-то дурацкие полупрозрачные платья? Как можно работать в такой скудной одежде? Гипотетическая Аманда осторожно произнесла:

– Боюсь, сестра поставила нашу семью в неловкое положение, ваша светлость.

– Из-за того, что нашла себе работу? Но почему?

Заговорила следующая девица, и тут уже Ваймс совсем запутался. Она сказала:

– Понимаете ли, командор, теперь у нее нет шансов вступить в приличный брак... по крайней мере, выйти за джентльмена.

Ситуация окончательно превратилась в запутанный клубок, и тогда Ваймс попросил:

– Объясните мне, дамы, что такое джентльмен.

Девушки посоветовались шепотом, и та, кого избрали жертвой, нервно ответила:

– Мы полагаем, что джентльмен – это человек, который не марает рук физическим трудом.

Говорят, алмаз прочнее всех металлов, но по сравнению с терпением Сэма Ваймса он был хрупким, как стекло. Ваймс произнес, отчетливо выговаривая каждый слог:

– А, то есть бездельник. Ну и как же, объясните на милость, вы охотитесь на так называемых джентльменов?

Судя по лицам, девушки и впрямь сдавались на милость. Одна из них, запинаясь, проговорила:

– Видите ли, командор, наш милый покойный папа потерпел неудачу с акциями, и, боюсь, вплоть до смерти нашей внучатой тети Мэриголд, на которую все мы так надеемся, ни одна из нас, увы, не получит приданого.

Боги затаили дыхание: Сэму Ваймсу объясняли, что такое приданое. На окнах успел осесть иней, пока он сидел и ошалело размышлял.

Наконец Ваймс откашлялся и сказал:

– Дамы, на мой взгляд, решение вашей проблемы заключается в том, чтобы оторвать ваши хорошенькие попки от стульев, выйти в большой мир и устроить собственную жизнь. Приданое? Иными словами, какому-то мужчине нужно заплатить, чтобы он на вас женился? Да в каком веке вы живете? Я чего-то не понимаю, или приданое – самая идиотская вещь на свете?

Ваймс взглянул на красавицу Эмили и подумал: ох боги, да мужчины должны выстраиваться в очередь на лужайке и драться за тебя, дорогуша. Почему никто никогда тебе об этом не говорил? Конечно, голубая кровь – штука неплохая, но и от практичности есть ощутимая польза. Выйди и покажись миру – возможно, ему будет что сказать тебе. Например, «ого». Вслух Ваймс продолжал:

– Ей-богу, ведь есть столько занятий для молодой девицы, если она не дура. Например, в бесплатной больнице леди Сибиллы всегда охотно примут смышленную девушку, которая захочет выучиться на сиделку. Хорошее жалованье, шикарная форма, отличный шанс подцепить толкового молодого врача, который наверняка сделает карьеру, особенно если жена будет его подталкивать. Ну и, конечно, вы услышите потрясающее количество забавных и двусмысленных историй о том, что бывает, когда... наверное, лучше я об этом помолчу. А еще у вас будет возможность стать старшей сестрой, когда вы достигнете определенного уровня. Очень ответственная должность, приносящая огромную пользу обществу в целом. И в конце долгого пути вы с удовлетворением поймете, что сделали в жизни немало добра.

Ваймс обвел взглядом бело-розовые личики, размышлявшие о прыжке в неведомое.

– Конечно, если шляпки вам больше по душе, у нас с Сибиллой есть приличный дом на Старосапожной улице, в Анк-Морпорке. Он пустует. Раньше район считался непростым, но сейчас там селятся тролли и вампиры, желающие возвращаться в обществе. Не стоит недооценивать «тяжелые деньги» и «темные деньги», особенно если клиент готов заплатить лишку за то,

что ему нужно. В общем, довольно продвинутое место. Честное слово, люди там выносят на улицу столы и стулья, *и их даже не всегда крадут*. Мы могли бы пустить вас на три месяца бесплатно, чтобы посмотреть, как пойдут дела, а потом, возможно, вы бы усвоили идею арендной платы, хотя бы ради самоуважения. Поверьте, дамы, самоуважение – вот чем обладают люди, которым не нужно годами ждать, чтобы какая-нибудь богатая старушка околела. Ну что, есть желающие?

Ваймс счел многообещающим признаком, что девушки переглядывались, видимо крайне ошеломленные мыслью о том, что можно и не быть бессмысленным пристенным украшением. Поэтому он добавил:

– И чем бы вы ни занимались, перестаньте читать идиотские любовные романы!

Остался, впрочем, один очаг – или, точнее, камин – сопротивления. Девушка, стоявшая рядом со священником, как будто он принадлежал ей, непокорно взглянула на Ваймса и сказала:

– Пожалуйста, не считите меня чересчур дерзкой, командор, но я бы очень хотела выйти за Джереми и помогать ему в приходе.

– Очень хорошо, очень хорошо, – ответил Ваймс. – Ты любишь его, и он любит тебя? Ну же, признайте вы оба.

Оба кивнули, красные от смущения, одним глазом поглядывая на Ариадну, чья широкая улыбка намекала, что это несомненный плюс.

– Что ж, тогда устраивайтесь поскорее, а вам, молодой человек, я советую найти работу, за которую лучше платят. Тут я помочь ничем не могу, но религий в наши дни масса, и на вашем месте я бы впечатлил какого-нибудь епископа своим благоразумием, ведь именно это в первую очередь и нужно священнику... ну, и все остальное тоже, и не забывайте, что наверху всегда найдется еще одно место... хотя, в случае религии, и не на самом верху. – Ваймс на мгновение задумался и добавил: – Возможно, самое лучшее для вас, дамы, – просто смотреть по сторонам, пока вы не заметите какого-нибудь парня, из которого может выйти что-нибудь дельное, и неважно, аристократ он или нет. Если он вам подойдет, цепляйтесь за него, поддерживайте при необходимости, помогайте подняться, если он упал, и вообще, будьте рядом, когда он вас ищет, и пусть он тоже будет рядом, когда вы ищете его. Если вы дружно наляжете на колесо, наверняка воз стронется. Это самый действенный способ, правда, Сибилла?

Сибилла разразилась смехом, и ошарашенные девушки послушно закивали, как будто они действительно все поняли. Ваймс с радостью почувствовал легкий тычок от жены, который вселил в него надежду на то, что ему не придется платить чересчур большую цену за столь откровенный разговор с этими оранжерейными цветами.

Он огляделся, словно пытаясь слегка поправить дело.

– Ну... ведь так оно и есть, правда?

– Прошу прощения, командор.

Ваймс не сразу понял, откуда исходит голос; эта девушка ни слова не произнесла за весь вечер, но время от времени что-то записывала в блокнот. И теперь она смотрела на него куда более осмысленным взглядом, чем прочие сестры.

– Чем могу служить, мисс? И, пожалуйста, скажите, как вас зовут.

– Джейн, командор. Я мечтаю стать писательницей. Считаете ли вы это допустимым занятием для молодой девушки?

Джейн, подумал Ваймс. Та, странная. Действительно, она была странная. Сдержанная, как остальные сестры, но, глядя на нее, Ваймс подумал, что она видит его насквозь. Читает мысли.

Слегка насторожившись, он откинулся на спинку кресла и произнес:

– Ну, это не так уж трудно, наверное, потому что все слова уже придуманы до вас, и вы сэкономите время, ведь достаточно будет просто расставить их в другом порядке... – На этом

опыт Ваймса по части изящных искусств был исчерпан, и он добавил: – А о чем вы намерены писать, Джейн?

Девушка как будто смутилась.

– Сейчас, командор, я работаю над романом, посвященным сложностям личных взаимоотношений, со всеми вытекающими отсюда надеждами, мечтами и недоразумениями, – она нервно кашлянула, словно извиняясь.

Ваймс поджал губы.

– Да. Похоже, идея неплохая, но здесь я вам вряд ли помогу. Хотя на вашем месте я бы ввел побольше батальных сцен – но это просто первое, что пришло мне в голову, – и мертвых тел, выпадающих из шкафа... и, возможно, войну в качестве общего фона.

Джейн неуверенно кивнула.

– Весьма ценные замечания, командор, и многое говорит в их пользу, но, полагаю, тогда личные отношения отойдут на задний план?

Ваймс задумался.

– Да, наверное, вы правы.

А потом непонятно откуда, наверное, из каких-то темных глубин сознания, явилась неожиданная мысль, как это уже случалось не однажды, иногда в кошмарах.

– Мне интересно, задумывался ли какой-нибудь писатель об отношениях между охотником и жертвой, полицейским и загадочным убийцей. Или о слуге закона, который иногда должен мыслить как преступник, чтобы выполнить свою работу, и который бывает неприятно удивлен тем, как хорошо у него это получается. Я просто размышляю вслух, сами понимаете, – неловко добавил Ваймс и задумался, откуда, черт возьми, взялась эта идея. Не исключено, что ее вызвала странная Джейн и даже, возможно, знала ответ.

– Кто-нибудь еще хочет чаю? – бодро спросила Ариадна.

Леди Сибилла молчала, когда они ехали обратно, поэтому Ваймс решил смириться и сделать первый шаг. Вид у жены был задумчивый, что всегда настораживало.

– Ты сердишься, Сибилла?

Та несколько секунд непонимающе смотрела на него, а затем произнесла:

– За то, что ты велел этим оранжерейным цветам перестать хандрить и заняться устройством собственной жизни? Ох, боги, нет, конечно. Ты сделал именно то, что я от тебя ожидала, Сэм. Как всегда. Я сказала Ариадне, что ты ее не подведешь. У нее маленький доход, и, если бы ты не вправил девушкам мозги, полагаю, в конце концов она бы метлой выгнала их за порог. Нет, Сэм, я просто гадаю, что творится у тебя в голове, только и всего. Не сомневаюсь, некоторые полагают, что стражник – это всего лишь работа, но ты ведь так не считаешь, да? Я очень тобой горжусь, Сэм, и другим ты мне не нужен, но иногда я тревожусь. В любом случае ты молодчина. Я с огромным интересом буду ждать, что напишет юная Джейн.

На следующий день Ваймс взял сына на рыбалку. Несколько мешало то, что оба совершенно не владели этим искусством, но Юный Сэм, впрочем, не расстроился. Он нашел среди сокровищ в детской сеть для ловли креветок и возился с ней на отмели, охотясь за раками, а иногда застывал неподвижно, чтобы на что-то посмотреть. Справившись с изумлением, Ваймс осознал, что Юный Сэм совершенно счастлив; один раз он даже показал любящему отцу какую-то штуку в ручье – «это как насекомые в воде, только шкура у них как из камушков». Ваймс подошел и убедился, что мальчуган совершенно прав. Его это поразило даже больше, чем сына, который на самом деле – как он объяснил отцу, пока они шагали домой обедать, – хотел проверить, бывают ли у рыб какашки. Сэма Ваймса никогда в жизни не занимал этот вопрос, но, видимо, он представлял большой интерес для мальчика, настолько, что на обратном пути

Юного Сэма пришлось удержать, чтобы он не помчался обратно посмотреть – ведь если рыбы не вылезают для этого на берег, то... фу, какая гадость.

Сибилла пообещала вечером еще раз сводить Юного Сэма на скотный двор, поэтому Сэм Ваймс мог заняться своими делами – делами, которые привлекают внимание стражника на тихих сельских тропках. Ваймс обладал городской сметкой, он не знал, что такое сметка деревенская, но, наверное, она была как-то связана с умением душить горностаев и, не нагибаясь, определять, что такое сказала «му» – корова или бык.

Бредя на ноющих ногах по бесконечным акрам и мечтая вновь ощутить булыжники, Ваймс опять почувствовал странный зуд – зуд, от которого у любого копа шерсть вставала дыбом. Натренированные органы чувств подсказывали ему, что поблизости происходит что-то недолжное и громогласно требует к себе внимания. Но неподалеку находился еще один стражник, не так ли? Настоящий старый коп, хоть и ушедший на покой. Впрочем, если ты коп, то до мозга костей; от этого невозможно избавиться. Ваймс улыбнулся. Кажется, настало время дружески выпить с мистером Джимины.

Днем в «Голове гоблина» посетителей не было, не считая вечного трио на скамейке у входа. Ваймс устроился за стойкой со стаканом свекольного пива миссис Джимины и конфиденциально нагнулся к трактирщику:

– Ну, мистер Джимины, что интересенького тут есть для старого копа?

Джимины раскрыл рот, но Ваймс продолжал:

– Палисандровая дубинка, псевдополисская городская Стража? Знаю, что не ошибся. Это же не преступление. Вы воплотили мечту стражника и взяли верную дубинку с собой, чтобы под рукой был маленький дружок, на которого можно положиться, если клиент чересчур вольно себя ведет и не понимает намеков... – Ваймс облокотился на стойку и принялся размазывать небольшую лужицу пролитого пива. – Работа преследует, да? А если ты держишь трактир, то тем более, потому что ты много чего слышишь. Слышишь о вещах, которыми больше не занимаешься, потому что уже не стражник... но сам-то ты знаешь, что ты – стражник. И в глубине души тебя должно беспокоить, если в ваших краях что-то идет не так. Даже я это вижу. У меня чутье стражника. Я чую беду носом. И подошвами. Секреты и ложь, мистер Джимины, секреты и ложь...

Мистер Джимины, с особым старанием вытирая тряпкой пролитое пиво, рассеянно произнес:

– Знаете, командор Ваймс, в деревне все по-другому. Люди думают, что здесь-то можно спрятаться. Но нет. В городе ты всего лишь лицо в толпе. А в деревне на тебя будут пялиться, пока ты не скроешься из виду. Просто ради развлечения. А сейчас, если вы не против, я займусь делами. Скоро придут посетители. Смотрите, куда ступаете, ваша светлость.

Но Ваймс не собирался отпустить добычу.

– Интересная штука, мистер Джимины. Я знаю, вы арендуете паб, но, вы удивитесь, хозяин этой земли по-прежнему я. Мне очень, очень жаль, но еще прежде, чем мы приехали сюда, я взглянул на карту, увидел на нашей земле паб и подумал: какое расточительство... но, таким образом, я – ваш хозяин. Да-да, это не по-республикански, но я хотел бы знать, мистер Джимины: может быть, не все рады видеть командора городской Стражи в этом уютном уголке, м-м-м?

Перед внутренним взором Ваймса появилось видение бедного старого лорда Ржава, прямым текстом сообщившего, что здесь нет ничего интересного.

Лицо у Джимины оставалось бесстрастным, но Ваймс, хорошо знавший эту игру, заметил слегка дрогнувший мускул, что в переводе означало: «Да, но я ничего не говорил, и никто не докажет. Даже ты, друг мой».

Дальнейшая дискуссия не состоялась, потому что один за другим начали собираться труженики села, чтобы отпраздновать окончание рабочего дня. На сей раз в их глазах было гораздо

меньше недоверия, когда они кивали Ваймсу по пути к стойке, поэтому он сидел над своей порцией пряного свекольного сока и наслаждался минутой. Блаженство, впрочем, длилось недолго – оно закончилось, когда в бар развязно ввалился кузнец и зашагал прямо к нему:

– Ты занял мое место.

Ваймс огляделся. Он сидел на скамье, совершенно не отличавшейся от всех остальных, но все-таки не стал исключать возможности, что в ней и впрямь было что-то мистическое. Поэтому он взял свою кружку и пересел. Как только Ваймс опустилсся, кузнец сказал:

– Это тоже мое место. Усек?

Ох, боги, здесь разыгрывалась прелюдия к ссоре, Ваймс в этом деле был не новичок, а кузнец смотрел на него с видом человека, который хотел подраться и, вероятно, считал Ваймса идеальным кандидатом.

В кармане брюк Ваймс ощутил легкое давление латунного кастета. Он слегка покривил душой, когда пообещал Сибилле не брать с собой в отпуск никакого оружия. Впрочем, он считал кастет не столько оружием, сколько гарантией выживания. Кастет можно было назвать средством обороны, чем-то вроде щита, особенно в том случае, если обороняться приходилось до того, как на тебя напали.

Он встал.

– Мистер Джетро, я весьма благодарен, если вы будете так любезны указать, какое место желаете занять на этот вечер. После этого я надеюсь *спокойно* допить свое пиво.

Тот, кто говорит, что кроткий ответ отвращает гнев, никогда не работал в баре. Кузнец раскалился ничуть не меньше своего горна.

– Я тебе не Джетро! Зови меня мистер Джефферсон, слышишь, ты?!

– А меня можно звать Сэм Ваймс.

Джефферсон неторопливо поставил кружку на стойку и зашагал к нему.

– Я сам знаю, как тебя звать, мистер...

Ваймс нащупал гладкую поверхность кастета, отполированного многолетним трением о ткань штанов, а время от времени и о чью-нибудь челюсть. Стоило ему опустить руку в карман, и кастет буквально прыгнул навстречу.

– Извините, ваша светлость, – сказал Джимини, аккуратно отодвигая Ваймса в сторону, и обратился к кузнецу: – Ну, Джетро, чего ты шум поднял?

– Ваша светлость? – усмехнулся Джетро. – Ну, я тебя так звать не буду! Я не собираюсь лизать тебе сапоги, как они все! Приперся, понимаешь, чтобы нас шпынять да раздавать приказы, как будто это место принадлежит тебе! Вот оно что! Земля тебе принадлежит! Один человек правит целым округом! Разве это честно? Ну, объясни мне, почему оно так? Давай, объясни!

Ваймс пожал плечами.

– Я не специалист, но, если не ошибаюсь, предки моей жены с кем-то сражались за эти земли.

Лицо кузнеца вспыхнуло злорадством, и он скинул кожаный фартук.

– Ладно, ладно. Допустим. Сражались, да? Что ж, верно. Я тебе скажу, что я сделаю. Я буду драться с тобой, здесь и сейчас. И знаешь что еще? Я буду с тобой драться, и пускай мне одну руку привяжут за спину, потому как ты малость пониже ростом.

Ваймс услышал легкий деревянный стук за спиной – трактирщик украдкой вытащил двухфутовую палисандровую дубинку из уютного места под стойкой.

Джетро, должно быть, тоже это услышал, поскольку крикнул:

– Даже не пытайся, Джим. Я ее у тебя выкручу, ты и спохватиться не успеешь, и на сей раз запихну туда, где солнце не светит!

Ваймс окинул взглядом прочих посетителей, которые с большим успехом притворялись каменными статуями.

– Послушай, парень, – сказал он. – Честное слово, ты не хочешь со мной драться.

– Еще как хочу! Ты сам сказал. Какой-то там предок получил эту землю, потому что подрался за нее. Так? Кто сказал, что драться больше нельзя?

– Коренной и Рукисила, сэр, – произнес вежливый, но ледяной голос из-за спины кузнеца. Ваймс, к своему ужасу, увидел Вилликинса. – Я не жесток, сэр, и не стану стрелять вам в живот. Я просто дам понять, что вы принимаете свои большие пальцы как данность. Нет, пожалуйста, не делайте никаких резких движений. У арбалетов Коренного и Рукисилы чрезвычайно чувствительные спусковые крючки.

Ваймс задышал, только когда Джетро поднял руки. Под толщей ярости, несомненно, крылось на полпенса чувства самосохранения. Тем не менее кузнец яростно уставился на него и сказал:

– Без наемного убийцы не обошелся, да?

– На самом деле, сэр, – спокойно отозвался Вилликинс, – я служу у командора Ваймса в качестве камердинера, а арбалет мне нужен, поскольку иногда его носки дают сдачи.

Он взглянул на Ваймса.

– Какие будут распоряжения, командор? Эй, не двигайся, мистер! Насколько мне известно, кузнецу для работы нужны обе руки!

Он вновь повернулся к Ваймсу.

– Извините за повышенный тон, командор, но я эту публику знаю.

– Думаю, Вилликинс, ты и сам один из них.

– Да, сэр, спасибо, сэр, и лично я себе не доверял бы ни на грош, сэр. Уж я-то с первого взгляда распознаю плохого парня. Каждый день его вижу в зеркале.

– А теперь, черт возьми, опусти арбалет, Вилликинс. Люди могут пострадать, – официальным тоном приказал Ваймс.

– Да, сэр, и это вполне входило в мои намерения. Я бы не смог предстать перед ее светлостью, если бы с вами что-нибудь случилось.

Ваймс перевел взгляд с Вилликинса на Джетро. Этот кипящий котел нужно было охладить. Но парня он винить не мог. Он ведь и сам думал точно так же, и не раз.

– Вилликинс, – сказал Ваймс, – пожалуйста, аккуратно отложи эту чертову штуковину и достань записную книжку. Спасибо. А теперь, пожалуйста, запиши вот что: «Я, Сэмюэль Ваймс, почти против воли герцог Анкский и прочая и прочая, намерен сойтись, столкнуться, сцепиться и прочая и прочая с моим другом Джетро... как твое полное имя, Джетро?

– Слушай, мистер, я не...

– Я спросил твое имя, черт возьми! Джимини, как его зовут?

– Джефферсон, – ответил трактирщик, держа дубинку, как некий гарант безопасности. – Послушайте, ваша светлость, неужели вам хочется...

Ваймс, не обращая на него внимания, продолжал:

– Так, на чем я остановился? Ах да. «С моим другом Джетро Джефферсоном в дружеском поединке за обладание усадьбой и ее окрестностями, каковы бы, черт возьми, они ни были, и упомянутый поединок будет продолжаться, пока один из нас не крикнет «сдаюсь», и если это буду я, никаких неприятностей для моего друга Джетро не последует, как и для моего слуги Вилликинса, который упрашивал меня не участвовать в этом приятельском обмене тумакими». Понял, Вилликинс? Покажешь это ее светлости, если я пострадаю. А теперь давай сюда, я подпишу.

Вилликинс неохотно протянул записную книжку.

– Не думаю, сэр, что на ее светлость это подействует. Ей-богу, герцогам не положено... – и, увидев улыбку Ваймса, замолчал.

– Ты собирался сказать, что герцогам не положено драться, так, Вилликинс? А я бы тебе ответил, что некогда слово «герцог» произносилось как «херцог» и означало способность отхе... всыпать противнику по первое число.

– Допустим, сэр, – ответил Вилликинс, – но, полагаю, вы должны предупредить его...

Вилликинса перебили прочие посетители, которые спешно проталкивались наружу и разбегались по деревне, оставив Джетро стоять в одиночестве – весьма озадаченного. На полпути к противнику Ваймс обернулся, взглянул на Вилликинса и сказал:

– Тебе, возможно, кажется, что я закурываю сигару, Вилликинс, но в данном случае, боюсь, глаза слегка тебя подводят. Понимаешь?

– Да. Я не только слеп, но и глух, командор.

– Вот и молодец. А теперь давай выйдем туда, где меньше стекла и вид получше.

Джетро выглядел как человек, у которого из-под ног вышибли опору, и теперь он не знает, куда упасть.

Ваймс закурил и несколько мгновений наслаждался запретным плодом. Затем он протянул пачку кузнецу, который молча отмахнулся.

– Очень разумно, – заметил Ваймс. – Ну а теперь, позволь, я объясню тебе, что как минимум раз в неделю, даже в нынешние времена, мне приходится драться с людьми, которые пытаются убить меня разными предметами, от мечей до стульев, а в одном случае даже огромным лососем. Возможно, на самом деле они не хотят меня убивать – они просто хотят, чтобы я их не арестовал. Послушай, – он обвел рукой пейзаж, – все это... со мной просто случилось, хотел я того или нет. По профессии я обыкновенный стражник.

– Ага, – сказал Джетро, мрачно глядя на него. – Дерешь шкуру со страдающих бедняков.

Ваймс к этому привык, а потому постарался выразиться помягче:

– В последнее время не получается драть шкуру, знаешь ли, соковыжималка мешает. Да-да, признаю, не очень смешно.

Ваймс заметил, что по деревенской улице спешат люди, в том числе были женщины и дети. Похоже, трактирные завсегдатаи переполошили всю округу. Ваймс повернулся к Джетро.

– Ну что, будем драться по правилам маркиза Пышнохвоста?

– Это как? – спросил кузнец и помахал приближавшейся толпе.

– Это правила кулачного боя, написанные маркизом Пышнохвостом, – объяснил Ваймс.

– Если их написал какой-то там маркиз, я их знать не желаю!

Ваймс кивнул.

– Вилликинс!

– Я слышал, командор, и занес в записную книжку: «отказался от правил Пышнохвоста».

– Ну что ж, мистер Джефферсон, – сказал Ваймс, – полагаю, сейчас мы попросим мистера Джимины подать сигнал.

– Пусть ваш лакей запишет в книжечку, что мою мамашу не выгонят из дома в любом случае, ясно?

– Договорились, – сказал Ваймс. – Вилликинс, пожалуйста, пометь себе, что мать мистера Джефферсона не выгонят из дома, не побьют палками, не посадят в колодки и не станут притеснять никаким иным способом, понятно?

Вилликинс, безуспешно пытаясь скрыть улыбку, лизнул карандаш и старательно записал. Ваймс, уже про себя, сделал еще одну пометку. Она гласила: «Этот парень просто источает агрессию. Он гадает, не убьют ли его. Я еще не нанес ни одного удара, даже самого легкого, а он уже готовится к худшему, тогда как самый верный способ победить в драке – это готовиться к лучшему».

Толпа росла с каждой секундой. Подняв голову, Ваймс увидел, как люди несут по улочке дряхлого старика на матрасе. Старик подгонял носильщиков, с удовольствием колотя их тростью по ногам. Матери, стоявшие в задних рядах, поднимали детей, чтобы им было лучше

видно, и каждый, независимо от других, явился с оружием. Это походило на крестьянский мятеж, только без мятежа и с очень вежливыми крестьянами. Мужчины касались шляп, когда Ваймс смотрел в их сторону, женщины делали книксен или, по крайней мере, слегка приседали, все не в лад, как педали органа.

Джимини осторожно приблизился к Ваймсу и кузнецу. Судя по заблестевшему от пота лбу, трактирщику было боязно.

– Ну, господа, будем считать это небольшой демонстрацией силы, веселым испытанием удачества, потому что сегодня такой славный вечер, и в душе мы все друг друга любим, правда? – В его глазах появилось умоляющее выражение, и Джимини продолжал: – А когда вы спустите пар, каждого из вас на стойке будет ждать пинта за счет заведения. И, пожалуйста, ничего не ломайте.

Трактирщик извлек из жилетного кармана грязный носовой платок и поднял его в воздух.

– Когда платок коснется земли, джентльмены... – сказал он, поспешно отходя назад.

Полотняный лоскут, казалось, некоторое время боролся с притяжением, но, как только он коснулся земли, Ваймс ухватил взмывший в воздух сапог кузнеца обеими руками и очень тихо произнес, обращаясь к брыкавшемуся Джетро:

– Немного опрометчиво, как по-твоему? И что толку с того? Слышишь, как они все хихикают? Ну, на сей раз я тебя отпускаю.

Ваймс выпустил сапог с легким толчком, заставив Джетро попятиться. Он испытал истинное наслаждение при виде того, что противник уже начал проигрывать, но кузнец собрался с духом, бросился на него... и остановился – возможно, оттого, что Ваймс ухмылялся.

– Правильно, парень, – одобрил он. – Ты только что избег ужасной боли в причинном месте.

Он принял стойку и многозначительно кивнул своему озадаченному противнику поверх левого кулака. Джетро, раскачиваясь, приблизился, получил пинок в колено и оказался на земле. Ваймс поднял его за шиворот и швырнул обратно.

– С чего ты вообще взял, что я собираюсь боксировать? Мы, профессионалы, называем это неправильным курсом. Хочешь обняться? На твоём месте я бы обязательно захотел, но шанса я тебе не дам, – Ваймс сокрушенно покачал головой. – Лучше бы мы дрались по правилам маркиза Пышнохвоста. Насколько мне известно, эта фраза написана на многих надгробиях.

Он от души затыкнулся, не стряхивая пепел с сигары.

Страшно разъяренный, Джетро бросился на Ваймса и получил скользящий удар в голову. Почти в ту же самую секунду колено врезалось ему в живот, вышибив воздух из легких. Они упали вместе, Ваймс – в качестве направляющего. Он уж позаботился о том, чтобы приземлиться сверху. Наклонившись, он прошипел Джетро в ухо:

– Давай проверим, насколько ты умен, парень. Умеешь владеть собой? Если нет, я тебе так расплющу нос, что носовой платок придется подносить на палке. И даже не надейся, что я на такое не способен. Но, по-моему, кузнец должен знать, когда остудить железо, и я даю тебе шанс сказать, что, по крайней мере, ты свалил герцога на пол в присутствии всех своих приятелей, а потом мы встанем и пожмем друг другу руки как джентльмены, коими ни один из нас не является, и толпа будет нас поздравлять, и все пойдут в паб и нальются пивом, за которое я заплачу. Договорились?

Ответом было сдавленное «да». Ваймс встал, взял кузнеца за руку и вздернул ее кверху, вызвав в толпе легкое удивление, но когда он провозгласил: «Сэм Ваймс приглашает вас всех выпить с ним в заведении мистера Джимини!» – удивление потеснилось, чтобы дать место пиву. Толпа хлынула в паб, оставив кузнеца и Ваймса снаружи – ну и Вилликинса, который умел особенно ловко стушевываться, когда хотел.

– Кузнецу следует владеть собой, – заметил Ваймс, когда толпа уткнулась в направлении трактира. – Иногда холодное лучше горячего. Я мало что про вас знаю, мистер Джефферсон, но Городской Страже нужны люди, которые быстро учатся. Полагаю, вы быстро продвинетесь до сержанта. И в качестве кузнеца вы нам тоже пригодитесь. Просто удивительно, сколько вмятин появляется на старой броне, когда дерешь спины бедняков...

Джетро уставился на свои сапоги.

– Ладно, ладно, вы меня побили, но это еще не значит, что так и должно быть, ясно? Вы и половины не знаете!

Из паба доносились звуки веселья. Ваймс задумался, насколько приукрасят слухи эту маленькую стычку. Он повернулся к кузнецу, который по-прежнему стоял неподвижно.

– Послушай меня, ты, молодой идиот. Я родился отнюдь не с серебряной ложкой во рту. В детстве я если какие ложки и видел, так только деревянные, и только при очень большом везении в них лежало что-нибудь съедобное. Я рос на улице, понимаешь? Если бы меня отправили в деревню, я бы решил, что попал в рай, потому что еда здесь за каждым кустом. Но я стал стражником, потому что там платили, и тому, как стать стражником, меня учили *порядочные* стражники, и поверь, парень, я просыпаюсь каждую ночь при мысли о том, что мог выбрать другой вариант. Потом я встретил хорошую женщину, и на твоём месте, парень, я бы надеялся, что ты тоже такую встретишь. В результате я слегка прибахлился, и однажды патриций Ветинари – слышал о нем, да? – так вот, однажды ему понадобился человек, чтобы делать разные дела, а перед титулом двери раскрываются сами, так что их не приходится отворять пинком. И знаешь что? Мои башмаки видели за много лет столько преступлений, что сами ведут меня к ним, и я чувствую, что кому-то надо дать под зад. Вижу, что и ты чувствуешь. Ну, говори, в чем дело.

Джетро смотрел под ноги и молчал.

Вилликинс кашлянул.

– Командор, может быть, мне побеседовать с молодым человеком? Так сказать, с менее возвышенной позиции. Почему бы вам не полюбоваться пока сельскими красотами?

Ваймс кивнул:

– Пожалуйста. Если ты считаешь, что от этого будет польза.

И он ушел и принялся с огромным интересом рассматривать жимолость, а Вилликинс, в начищенных ботинках и опрятной куртке камердинера, широким шагом подошел к Джетро, обхватил его одной рукой и сказал:

– Я держу возле твоего горла стилет, и это, поверь, не зубочистка, а настоящее лезвие, учти. Ты мелкий поганец, но я не командор – я до кости тебя полосну, если дернешься. Понял? *Не кивай!* Вот и славно, мы быстро учимся, правда? Слушай, мальчик мой. Командор пользуется доверием Алмазного короля троллей и гномьего Короля-под-Горой, которому достаточно кивнуть, чтобы твою жалкую тушку со всех сторон обработали универсальными топорами, а также госпожи Марголотты из Убервальда, которая в принципе мало кому доверяет, а еще патриция Ветинари из Анк-Морпорка, который не доверяет вообще никому. Ясно? *Не кивай!* А у тебя, юноша, хватило наглости усомниться в его слове. Я человек с легким характером, но от таких штук прямо из себя выхожу, к твоему сведению. Понятно? Я спросил – понятно? А... да, теперь можешь кивнуть. Кстати говоря, будь осторожней, когда кого-нибудь называешь лакеем, слышишь? Некоторые люди к таким вещам относятся весьма болезненно. Послушай совета, парень: я знаю командора, а ты вспомнил о своей старушке матери и подумал о том, что может с ней случиться, и, наверное, именно поэтому он тебя не избил до полусмерти, потому что в глубине души он очень чувствителен.

Нож Вилликинса исчез так же внезапно, как и появился; другой рукой камердинер извлек маленькую щеточку, которой обмахнул воротник кузнеца.

– Вилликинс, – позвал Ваймс издалека. – А теперь, пожалуйста, пойдешь, прогуляйся.

Когда дворецкий отошел и остановился под деревом, Ваймс сказал:

– Извини, но у каждого своя гордость. Я об этом помню. И ты помни. Я стражник, полисмен, и что-то здесь не дает мне покоя. Похоже, ты хочешь, чтобы я что-то такое узнал, и дело не только в том, кто сидит в высоком замке, правильно? Здесь случилось что-то плохое, я по твоему лицу вижу. Ну?

Джетро склонился к нему.

– В Мертвяковой логве. В полночь. Ждать не стану.

Кузнец развернулся и зашагал прочь, не оборачиваясь.

Ваймс закурил новую сигару и побрел к дереву, под которым стоял Вилликинс, любуясь пейзажем. Дворецкий выпрямился, завидев Ваймса.

– Пойдемте, сэр. Ужин в восемь, и ее светлость желает, чтобы вы явились в наилучшем виде. Она очень надеется, что вы принарядитесь, сэр.

Ваймс застонал.

– Только не парадные лосины!

– К счастью, нет, сэр, не в деревне, но ее светлость специально напомнила, чтобы я прихватил сливовый вечерний камзол, сэр.

– Она говорит, я в нем произвожу потрясающий эффект, – мрачно произнес Вайсмс. – Ты тоже так считаешь? Я вообще способен произвести потрясающий эффект, как по-твоему?

На нижней ветке дерева запели птицы.

– Я бы сказал – сногшибательный, сэр, – ответил Вилликинс.

Они зашагали домой и некоторое время шли в молчании – иными словами, они молчали, а природа вокруг пела, жужжала и вопила. Наконец Ваймс сказал:

– Хотел бы я знать, что это, черт возьми, за твари.

Вилликинс на мгновение склонил голову набок.

– Синица Паркинсона, глубокогогорлый вылупень и обыкновенный веролом, сэр.

– Ты всех их знаешь?

– Да, сэр. Я посещаю мюзик-холлы, сэр, а там всегда держат в штате человека, который подражает голосам животных и птиц. Такие штуки сами собой западают в память. Я теперь знаю семьдесят три деревенских звука, и мой любимый – это когда фермер, у которого один сапог только что завяз в навозе, пытается куда-нибудь поставить ногу в носке и понимает, что наступить некуда, кроме как в упомянутый навоз. Невероятно смешно, сэр.

Они дошли до длинной аллеи, ведущей к Холлу, и под ногами у них заскрипел гравий. Ваймс вполголоса произнес:

– Я условился встретиться с юным мистером Джефферсоном в полночь, в Мертвяковой логве на Холме Висельника. Он хочет сообщить мне что-то очень важное. Кстати, Вилликинс, а что такое логва?

– На местном диалекте – нечто среднее между рощицей и леском. Строго говоря, сэр, то, что находится на Холме Висельника, – это небольшой буковый лесок. Помните Безумного Джека Овнеца? Человека, который сделал холм на тридцать футов выше ценой огромных затрат? Так вот, он велел посадить на вершине буки.

Ваймсу нравился скрежет гравия под ногами – он скрывал звук разговора.

– Когда я разговаривал с кузнецом, клянусь, никого в пределах слышимости не было. Но это ведь деревня, да, Вилликинс?

– За изгородью позади вас какой-то человек ставил силки на кроликов, – сказал Вилликинс. – Ничего странного, хотя, на мой взгляд, он чересчур долго с ними возился.

Некоторое время они шагали по аллее, пока Ваймс не произнес:

– Скажи мне, Вилликинс, вот что. Если два человека договариваются о встрече в полночь, в месте, которое называется Мертвяковой логвой на Холме Висельника, что, по-твоему, будет самым разумным образом действий? Учитывая тот факт, что жена одного из этих двоих запретила ему брать с собой оружие в загородный дом.

Вилликинс кивнул.

– Что ж, сэр, следуя вашему принципу, что оружие – это любой предмет, который *ты* считаешь оружием, я бы посоветовал упомянутому лицу обратиться к соотечественнику, способному, например, раздобыть ключи от шкафа, в котором лежат превосходные кухонные ножи, идеально подходящие для рукопашной. Лично я, сэр, еще прихватил бы проволоку для нарезания сыра, это вполне отвечает моему искреннему убеждению, что в смертельном бою главное одно: чтобы умерли не вы.

– Никакой проволоки, парень! Только не для командора Стражи.

– Хорошо, командор, но могу ли я предложить вам латунный кастет – оружие джентльмена? Я знаю, вы никуда без него не ездите, сэр. Здесь есть какие-то злонамеренные личности, и я знаю, что вам придется с ними столкнуться.

– Слушай, Вилликинс, я вообще не хочу, чтобы ты вмешивался. В конце концов, это просто подозрения.

Вилликинс отмахнулся.

– Вы ни за что не уговорите меня постоять в сторонке, сэр, потому что мне самому интересно. Я оставлю для вас в гардеробной некоторое количество режущих предметов на выбор, сэр, а сам пойду в рощу полчасом раньше назначенного времени, со своим верным арбалетом и кое-какими любимыми игрушками. Сейчас почти полнолуние, небо ясное, повсюду будут лежать тени, и в самой густой притаюсь я.

Ваймс несколько секунд смотрел на него, а затем сказал:

– Можно небольшую поправку? Не мог бы ты оказаться во второй по густоте тени за час до полуночи, чтобы взглянуть, кто спрячется в первой?

– Вот почему вы командуете Стражей, сэр, – произнес Вилликинс, и, к огромному удивлению Ваймса, в голосе дворецкого прозвучала нотка страха. – Вы слушаете улицу, так ведь?

Ваймс пожал плечами.

– Здесь нет улиц, Вилликинс.

Тот покачал головой.

– Уличный мальчишка всегда остается уличным мальчишкой, сэр. Он даст о себе знать в ответственный момент. Матери и отцы уходят – если мы вообще знаем, кто они такие, – но улица, сэр... улица всегда о нас позаботится. В самую важную минуту она помогает нам остаться в живых.

Вилликинс побежал вперед и зазвонил в колокольчик, так что лакей отворил дверь, как только Ваймс поднялся на крыльцо.

– У вас как раз достаточно времени, чтобы послушать, как Юный Сэм будет читать, – добавил Вилликинс, шагая по ступенькам. – Удивительная штука чтение, сэр, жаль, что я сам этому не выучился, когда был мальчишкой. Ее светлость вы найдете в гардеробной, а гости начнут собираться через полчаса. Мне нужно идти, сэр. Надо поучить здешнего дворецкого, эту толстую жабу, хорошим манерам, сэр.

Ваймс вздрогнул.

– Душить дворецких не разрешается, Вилликинс. Кажется, в книжке по этикету я об этом читал.

Вилликинс взглянул на хозяина с притворно обиженным видом.

– Не волнуйтесь, сэр, – продолжал он, отворяя дверь в гардеробную Ваймса, – хоть он и первостатейный сноб. Никогда еще не встречал дворецкого, который не был бы снобом. Просто нужно его слегка сориентировать.

– Да, но он дворецкий, и это его дом.

– Нет, сэр, это *ваш* дом, а поскольку я ваш личный слуга, по незыблемым законам лакейской я превосхожу любого из этих ленивых лодырей! Я им покажу, как делаются дела в реальном мире, сэр, не извольте беспокоиться...

Его перебил громкий стук в дверь, за которым последовало решительное дребезжание дверной ручки. Вилликинс открыл, вошел Юный Сэм и объявил:

– Читать!

Ваймс поднял сына на руки и усадил на стул.

– Как провел вечер, малыш?

– Знаешь, – сказал Юный Сэм, явно желая поделиться результатами вдумчивого исследования, – у коров большие мягкие какашки, а у овец маленькие, как шоколадки.

Отец старался не смотреть на Вилликинса, который дрожал от сдерживаемого смеха. С трудом сохраняя серьезное выражение лица, он ответил:

– Э... ну конечно, овцы ведь меньше.

Юный Сэм задумался.

– Коровьи какашки шлепаются, – заявил он. – В «Где моя коровка?» об этом ничего не говорится.

Судя по голосу, мальчик был раздосадован тем, что автор упустил столь важный факт.

– А мисс Фелисити Бидл обязательно бы об этом сказала.

Ваймс вздохнул.

– Да уж не сомневаюсь.

Вилликинс открыл дверь.

– Я оставляю вас наедине, господа. Увидимся позже, сэр.

– Вилликинс, – позвал Ваймс, как только камердинер взялся за ручку. – Ты, кажется, считаешь, что у меня кастет хуже, чем у тебя. Так?

Вилликинс улыбнулся.

– Вам ведь никогда не нравились кастеты с шипами, правда, сэр? – и он осторожно прикрыл дверь за собой.

Юный Сэм уже читал сам, к большому облегчению Ваймса. К счастью, сочинения мисс Фелисити Бидл состояли не только из увлекательных сведений о какашках во всей их красе; ее тоненькие книжки для малышей текли непрерывным потоком и были невероятно популярны, по крайней мере среди детей, потому что мисс Бидл тщательно изучала свою аудиторию. Юный Сэм покатывался со смеху, читая «Писающих человечков», «Войну с сопливыми гоблинами» и «Джеффри и Страну какашек». Эти книжки били прямо в точку, если дело касалось мальчишек определенного возраста. И сейчас Юный Сэм хихикал и фыркал, читая «Мальчика, который не умел ковырять болячки» – хит сезона с точки зрения ребенка, которому едва исполнилось шесть. Сибилла заметила, что эти книжки расширяют словарь Юного Сэма, и не только по туалетной части. И он действительно, при некотором поощрении, начинал читать книги, в которых никто не испражнялся, – что само по себе было чудом, если хорошенько подумать.

Ваймс отнес сына в постель после десяти минут увлекательного чтения, побрился и успел надеть ненавистный парадный наряд за несколько секунд до того, как в дверь постучала жена. Раздельные гардеробные и ванные, подумал Ваймс... если у человека есть деньги, нет лучшего способа, чтобы брак оставался счастливым.

Чтобы брак оставался счастливым, он открыл дверь, и Сибилла влетела в комнату, как турнирный боец (если только на турнире бывают бойцы в турнюре¹¹), чтобы поправить сорочку, разгладить воротничок и придать мужу приличный вид.

А потом она сказала:

– Насколько я знаю, ты преподавал кузнецу небольшой урок рукопашного боя, дорогой.

Фраза повисла в воздухе, как шелковая удавка.

¹¹ Сибилла объяснила Ваймсу, что деревенская мода отстает от городской примерно на десять лет, отсюда турнюр для нее и бриджи для него – старинные, слегка пропахшие чем-то неприятным, бриджи с откидным полотнищем впереди и сзади.

Ваймс, запинаясь, выговорил:

– Наверное, здесь что-то не так?

– Да, пожалуй, – сказала Сибилла.

– Правда?

– Да, Сэм, но сейчас не время. Гости придут с минуты на минуту. И если ты сумеешь сдержаться и никого не станешь отправлять в нокаут в промежутке между блюдами, я буду очень тебе благодарна.

По меркам безупречно сдержанной Сибиллы это была ужасающая выволочка. Ваймс сделал то, что сделал бы всякий благоразумный муж, а именно – ничего, но весьма динамично. Внезапно в передней послышались голоса, а во дворе – скрежет колес по гравию. Сибилла расправила паруса и направила вниз – играть роль гостеприимной хозяйки.

На что бы там ни намекала жена, Ваймс неплохо умел справляться со зваными ужинами, поскольку побывал на бесчисленных светских мероприятиях в Анк-Морпорке. Фокус состоял в том, чтобы предоставлять ведение беседы остальным обедающим и периодически с ними соглашаться, давая самому себе возможность подумать о чем-нибудь другом.

Сибилла позаботилась, чтобы нынешний обед проходил непринужденно. Гости, в основном, принадлежали к представителям известного сословия, которые хотя и жили в деревне, но, так сказать, не сливались с ней. Отставные вояки, жрец Ома, старая дева мисс Крошкинс со своей компаньонкой – суровой, коротко стриженной дамой в мужской сорочке и с карманными часами. И – да, мисс Фелисити Бидл. Ваймс выпалил: «А, та дама с какашками!» – и подумал было, что влип, но она разразилась хохотом и пожала ему руку со словами: «Не волнуйтесь, ваша светлость, я тщательно мою руки после работы!» И все рассмеялись. Мисс Бидл была миниатюрная и обладала тем странным свойством, которое встречается у некоторых людей и заставляет их буквально вибрировать, даже когда они стоят неподвижно. У Ваймса возникло ощущение, что, если внезапно сломается некий внутренний регулятор, освободившаяся энергия выбросит мисс Бидл в окно.

Она шутливо ткнула его в живот.

– А вы – знаменитый командор Ваймс. Приехали нас всех арестовать, да?

Разумеется, он каждый раз это выслушивал, если Сибилла принимала приглашение на очередную светскую вечеринку. Но в то время как мисс Бидл смеялась, прочих гостей железными цепями сковало молчание. Они мрачно смотрели на нее, а мисс Бидл пристально разглядывала Ваймса. Он узнал это выражение. Перед ним было лицо человека, который хочет что-то рассказать. Разумеется, прямо сейчас углубляться в тему не стоило, поэтому Ваймс отнес случившееся в графу «интересно».

Невзирая на все опасения Ваймса, в Овнец-Холле состоялся превосходный ужин, и это было главное: законы светского общения предписывали, чтобы Сибилла включила в меню огромное количество вещей, присутствия которых не потерпела бы, если бы их попросил Ваймс. Одно дело – быть законодателем вкусов для собственного супруга, но если делать то же самое для гостей, они обычно остаются недовольны.

По другую сторону стола жена какого-то отставного военного уверяла, что он, невзирая на твердое собственное убеждение, не любит тушеные креветки. Бедняга напрасно заверял, что на самом деле он *любит* креветки, – ответом ему было мягкое:

– Возможно, ты и любишь креветки, Чарльз, но они не любят тебя.

Ваймс проникся сочувствием к человеку, которого, кажется, изрядно озадачила мысль о том, что он нажил себе врагов среди низших ракообразных.

– Э... а омары меня любят, дорогая? – спросил Чарльз, но в его голосе не звучало особой надежды.

– Нет, дорогой, они совершенно с тобой несовместимы. Помнишь, что случилось у Парсли за вистом?

Старик взглянул на стол, ломившийся под тяжестью еды, и предпринял очередную попытку:

– Как по-твоему, а гребешки могут хоть на пять минуточек со мной поладить?

– Ох, боги, нет, Чарльз.

Он снова искоса окинул взглядом стол.

– Подозреваю, мой лучший друг – это салат, да?

– Ты абсолютно прав, дорогой.

– Да, я так и думал.

Военный посмотрел на Ваймса, безнадежно улыбнулся и произнес:

– Я слышал, вы полисмен, ваша светлость. Это правда?

Ваймс впервые окинул его критическим взглядом – усатый старый вояка, которого, так сказать, выпустили на травку... и, скорее всего, ничего другого жена не позволила бы ему съесть без возражений. Шрамы от ожогов на лице и на руках, псевдополисский акцент. Нетрудно догадаться.

– Служили в легкой кавалерии, сэр?

Старик явно обрадовался.

– В точку, дружище! Мало кто нас помнит. К сожалению, только один я и остался. Полковник Чарльз Огастес Примириг – странная фамилия для военного, а может быть и нет, не знаю, право, – он фыркнул. – Теперь мы – всего лишь обугленная страница в истории военного дела. Смею предположить, вы не читали моих мемуаров – «Двадцать четыре года без бровей». Нет? Ну, вы в этом не одиноки, должен признать. В те годы я и познакомился со своей женушкой. Она утверждала, что невозможно вывести драконов, годных для военного дела. И она была права, вот что. Разумеется, мы не оставили попыток, потому что так у нас, у военных, водится!

– В смысле громоздить одну неудачу на другую? – уточнил Ваймс.

Полковник рассмеялся.

– Ну, иногда что-то да получается. У меня до сих пор остались несколько драконов. Я без них просто не могу. День без ожога – все равно что день без солнца. Здорово экономишь на спичках, ну и, конечно, они отпугивают незваных гостей.

Ваймс отреагировал, как рыбак, который, продремав некоторое время на бережку, вдруг понял, что приближается косяк рыбы.

– Ну, наверное, здесь таких немного.

– Вы так думаете? Вы и половины не знаете, молодой человек. Я мог бы кое-что порассказать... – Он внезапно замолчал, и супружеский опыт подсказал Ваймсу, что полковника толкает под столom супруга, вид которой был далеко не довольный – впрочем, судя по морщинистому лицу, довольным он не был никогда. Пока полковник брал у официанта очередную порцию бренди, она наклонилась к Ваймсу и ледяным тоном спросила:

– Ваша светлость, ваша юрисдикция распространяется на Графства?

«Еще одна поклевка», – подумал рыбак в голове у Ваймса. Вслух он сказал:

– Нет, мэм, моя сфера деятельности – Анк-Морпорк и окрестности. По традиции, впрочем, стражник имеет право расширить свою юрисдикцию, если идет по горячим следам за злоумышленником, совершившим преступление на его территории. Но, разумеется, Анк-Морпорк отсюда далеко, и я сомневаюсь, что забежал бы в такую даль...

За столом послышался смех, а госпожа полковница сдержанно улыбнулась.

Не спеши дергать, не спеши...

– И все-таки, – продолжал Ваймс, – если бы здесь и сейчас я стал свидетелем тяжкого преступления, то был бы вправе произвести арест. Гражданский арест, но чуть более профессиональный, после чего передал бы подозреваемого местным властям или иной подходящей организации, по своему усмотрению.

Священник, которого Ваймс заметил краем глаза, с интересом прислушивался к разговору. Подавшись вперед, он спросил:

– По вашему усмотрению, ваша светлость?

– Моя светлость тут ни при чем, сэр. Состоя в анк-морпоркской городской Страже, я обязан гарантировать подозреваемому безопасность. В идеале, я посадил бы его в холодную. В городе их больше нет, но, насколько я понимаю, они еще сохранились в большинстве сельских местностей, пускай обычно в них и сидят только пьяницы и сбежавшие свиньи.

Послышался смех, и мисс Бидл сказала:

– У нас действительно есть деревенский констебль, ваша светлость, и он держит свиней в каталажке у старого моста.

Она пронзительно взглянула на Ваймса, который и бровью не повел. Он спросил:

– А людей ваш констебль когда-нибудь туда сажает? У него есть служебное удостоверение? А значок?

– Ну, иногда он сажает под замок какого-нибудь пьяницу, чтобы тот протрезвел, и говорит, что свиньи не особо возражают, но я понятия не имею, что такое служебное удостоверение.

Снова послышался смех, но он быстро увял, рассеянный суровым молчанием Ваймса.

Наконец он произнес:

– Я бы не назвал вашего констебля стражником. Пока я не смогу убедиться, что он работает в рамках поддержания должного правопорядка, я буду считать его не стражником – по моим стандартам – а заважничавшим уборщиком. Кое-какая польза от него есть, но он не стражник.

– По вашим стандартам, ваша светлость? – уточнил священник.

– Да, сэр, по моим. Мои решения. Моя ответственность. Мой опыт. Моя шкура, если что-то пойдет не так.

– Но, ваша светлость, как вы сказали, здесь у вас нет полномочий, – кротко напомнила госпожа полковница.

Ваймс чувствовал, как нервничает ее муж, и дело было уж точно не в еде. Полковник искренне желал убраться отсюда поскорей. Забавно, но люди всегда хотят поговорить со стражниками о преступлениях и не понимают, какие признаки выдают их тревогу.

Он повернулся к супруге полковника, улыбнулся и сказал:

– Как вы уже слышали, мэм, если стражник обнаруживает вопиющее преступление, юрисдикция протягивает ему руку помощи. И, с вашего позволения, давайте сменим тему. Не хочу обидеть вас, дамы и господа, но с течением времени я заметил, что банкиры, военные и коммерсанты обычно ужинают в мире и спокойствии, тогда как бедный старый стражник вынужден говорить о своей работе, которая, по большей части, довольно скучна.

Ваймс снова улыбнулся, чтобы никого не обидеть, и продолжал:

– И, наверное, особенно скучно стражникам здесь. Насколько я могу судить, в деревне тихо... как в могиле.

Мысленно он отметил: старый полковник вздрогнул, а священник уставился в тарелку, хотя, возможно, не следовало принимать это всерьез, поскольку редко можно найти священнослужителя, не способного воздать должное вкусной еде.

Сибилла, на правах радушной хозяйки, разбила лед.

– Кажется, время для главного блюда, – произнесла она, – а именно, превосходной баранины а-ля, никаких больше разговоров о стражниках! Знаете, если как следует раскатать Сэма, он будет цитировать законы и обычаи Анк-Морпорка и устав Стражи, пока в него не бросишь подушкой!

«Умница, – подумал Ваймс, – по крайней мере, я теперь поужинаю спокойно». Он расслабился, а разговор вокруг стал более непринужденным и вновь наполнился повседневными

сплетнями, жалобами на соседей и на прислугу, видами на урожай и – да, ненавистью к гоблинам.

Ваймс прислушался. Гоблины. В городской Страже имелся как минимум один представитель каждого разумного двуногого вида плюс Шнобби Шноббс. Это стало традицией – кто сумел стать приличным стражником, сумеет стать и расой. Но никто и никогда даже не предлагал Ваймсу принять в Стражу гоблина, по той простой причине, что все считали их вонючими, злобными, недостойными доверия мелкими каннибалами.

Разумеется, *все* знали, что гномы – это мелкие мошенники, которые надуют тебя при первом удобном случае, тролли просто живые камни, живущей в городе Медузе лучше не смотреть в лицо, вампирам нельзя доверять, как бы они ни улыбались, вервольфы – это те же вампиры, только летать не умеют, сосед – сукин сын, который бросает мусор через забор, а жена у него та еще шалава. Но, опять же, в мире должно быть разнообразие. И дело не в предубеждениях, потому что, в конце концов, даже в университете работает орк, но он любит футбол, и кого угодно можно простить, если он способен забить гол с середины поля, и, в конце концов, некоторые вещи приходится принимать как есть... но только не проклятых гоблинов, ни за что. Люди гнали их прочь, если гоблины появлялись в городе, и в конце концов они, как правило, оказывались в низовьях реки, у Гарри Короля и ему подобных – варили мыло, дубили кожу и собирали железный лом. Достаточно было немного отойти от городских ворот, чтобы оказаться вне досягаемости закона.

А теперь гоблины появились поблизости Овнец-Холла, о чем свидетельствовали пропавшие куры и кошки. Что ж, не исключено; но Ваймс помнил, как в краже кур обвиняли троллей, хотя ничто в курице не способно заинтересовать тролля. С тем же успехом можно сказать, что люди едят штукатурку. Но, разумеется, он промолчал.

Да, ни у кого не нашлось для гоблинов доброго слова, но мисс Бидл вообще помалкивала. Она не сводила пристального взгляда с лица Ваймса. Лица сидящих за обеденным столом можно считать, если знать как; а если ты стражник, то наверняка ясно понимаешь, что каждый обедающий думает об остальных. Все написано во взгляде. Сказанное и несказанное. Люди, входящие в магический круг, и не входящие. Мисс Бидл была чужаком, которого не вполне принимают, хоть и терпят, потому что, разумеется, никто не отменял хороших манер. Как там говорится? «Не нашего поля ягода».

Ваймс осознал, что смотрит на мисс Бидл. Они улыбнулись друг другу, и Ваймс подумал, что человек любознательный непременно нанес бы визит милой особе, сочиняющей книжки, которые так нравятся Юному Сэму, и вовсе не потому, что она выглядит так, как будто собирается открыть огромный вентиль на плотине.

Мисс Бидл слегка нахмурилась, когда речь зашла о гоблинах, и время от времени соседи, особенно того сорта, который Ваймс мысленно обозначил как «госпожа полковница», поглядывали на нее, как на ребенка, который делает что-то не так.

Ваймс продолжал изображать внимание, в то же время перебирая в голове события минувшего дня. Этот процесс прервала госпожа полковница, сказав:

– Кстати, ваша светлость, мы очень обрадовались, когда узнали, что сегодня вы отколодили Джефферсона. Этот человек ведет себя просто возмутительно. Он нас весьма огорчает!

– Да, я заметил, что он не боится озвучивать свое мнение, – сказал Ваймс. – Как и мы, правда?

– Но, разумеется, вы, ваша светлость, не считаете, что работник не хуже хозяина? – спросил священник, вскинув голову.

– Зависит от работника. От хозяина. И от того, что вы считаете плохим и хорошим, – ответил Ваймс. – Я сам был работником, но когда речь заходит об анк-морпоркской городской Страже, я – хозяин.

Госпожа полковница уже собиралась о чем-то спросить, когда леди Сибилла вдруг бодро произнесла:

– Кстати говоря, Сэм, я получила письмо от миссис Уэйнрайт, которая очень тебя хвалит. Напомни, чтобы я его тебе показала.

У всех пар, долго проживших в браке, есть свой шифр. С его помощью жена, например, может вежливо намекнуть мужу, что второпях или по рассеянности он забыл застегнуть ширинку¹². В случае с Ваймсом и Сибиллой упоминание о миссис Уэйнрайт значило: «Если ты не перестанешь смущать людей, Сэм Ваймс, вечером семейная идиллия будет несколько омрачена».

Но на сей раз Сэм Ваймс хотел оставить последнее слово за собой. Он сказал:

– На самом деле там и сям я знаю нескольких поднявшихся из грязи работников, и, кстати говоря, из них зачастую получаются хозяева лучше, чем те, кто прежде ими командовал. Они просто ждали своего шанса.

– Обязательно напомни мне показать письмо, Сэм!

Ваймс сдался, и прибытие пудинга из мороженого немного понизило температуру, особенно после того, как ее светлость позаботилась, чтобы все бокалы были заново наполнены – а в случае полковника это происходило почти непрерывно. Ваймсу хотелось бы еще поболтать со стариком, но за ним тоже бдительно наблюдала жена. У этого человека явно было что-то очень важное на уме, отчего он нервничал в присутствии стражника. И его нервозность передавалась остальным.

¹² См. книгу доктора Бентли Скупа «Викарий придет на чай, или Сто двадцать семь предупреждений в неловких ситуациях» (издательство Незримого университета).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.